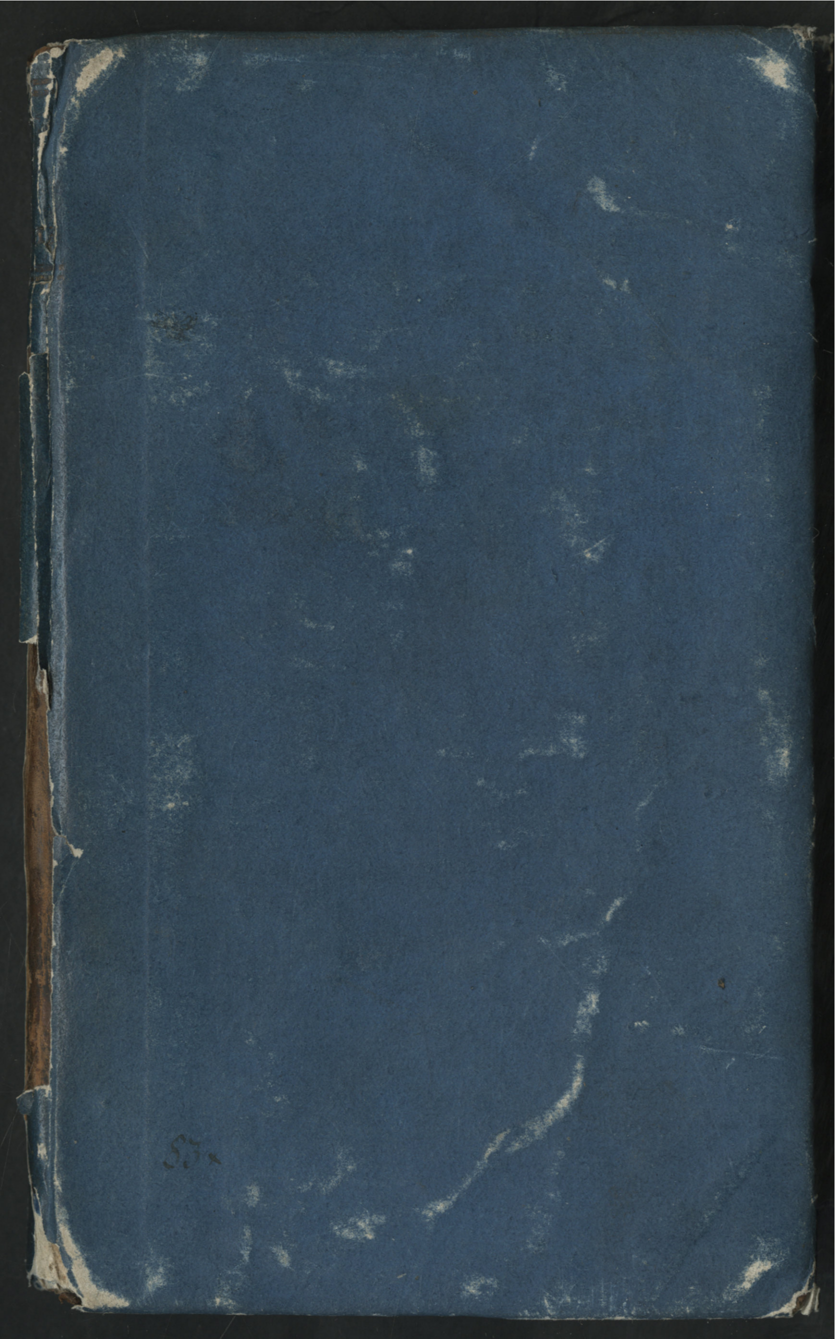
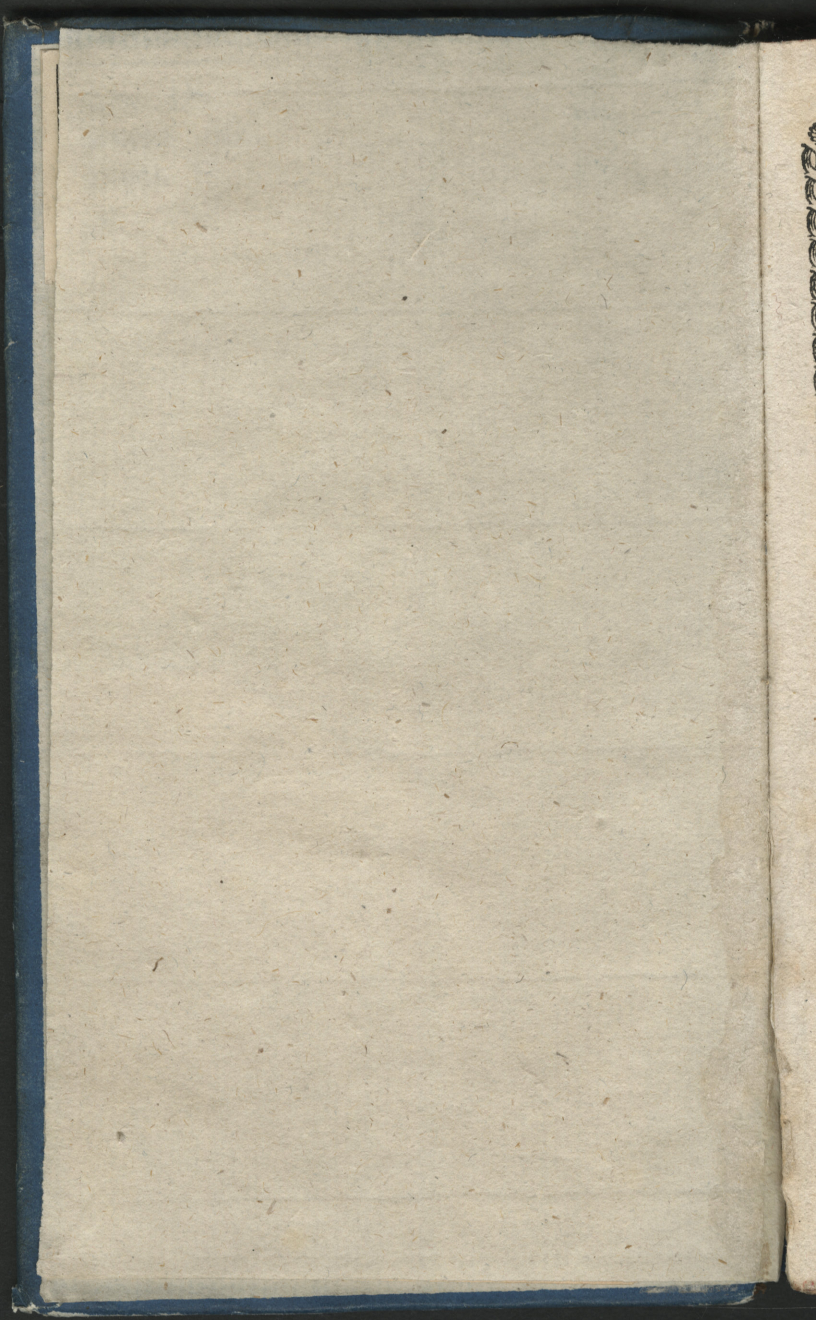

ВТОРЫЙ КАНДИДЪ,

УРОЖЕНЕЦЪ КИТАЙСКОЙ,

или

ДРУГЪ ИСТИННЫ,

ЮЖНАЯ ПОВѢСТЬ,

перевелъ

съ Французскаго

Петръ Вельяминовъ.

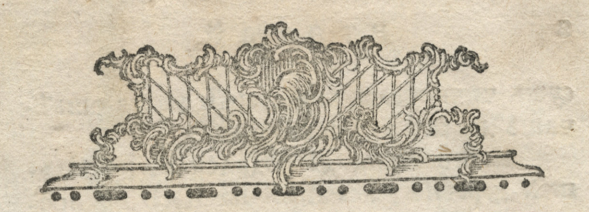

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

1774 года.

Кто любитъ истинну, кто свято правду чтитъ,
Тому Китайскій сей Кандидъ не досадитъ;
Но для кого сія богиня не пріятна
И повѣсть оному сія не будетъ внятна.

В. Рубанъ.

ВТОРЫЙ КАНДИДЪ,

или

ДРУГЪ ИСТИННЫ,

Южная повѣсть.

ГЛАВА I.

Кандидъ сей, былъ добронравный юноша, не тотъ, который любилъ столь горячо прекрасную *Кунигунду Фонъ Тундер-тенъ-тронкъ*; но другїй *Кандидъ*, жившїй предъ онымъ за 30 вѣковъ, и съ лишкомъ за 400 миль отъ *Вестфалїи*. Я говорю оное не для того, чтобъ не сочли нашего *Кандида* за того *Оптимиста* поневолѣ, противъ коего Докторъ *Ральфъ* здѣлалъ потребныя учрежденїя, но

суть читатели, которымъ за все отвѣчать долженъ сочинитель.

Нашъ *Кандидъ* родился въ не большой деревнѣ, лежащей на Югѣ въ провинціи *Че-кіангѣ*, не въ дальнемъ разстояніи отъ *Ган-чю*, въ то время какъ *Ву-цимъ*, сынъ *Слао-ія* двадцатый Императоръ Династій *Ксанга*, тихими и справѣдливыми своими законами, составлялъ блаженство цѣлаго *Китая*. Отецъ его былъ купецъ, торгующій шелкомъ, котораго владѣніе простиралось не далѣе двухъ *Лій*, однакожъ онъ былъ богатъ для того, что жилъ безъ роскоши; онъ платилъ работникамъ своимъ исправно, награждалъ за прилѣжность и убѣгалъ тяжбъ. И дѣйствительно трудно было ихъ имѣть въ той землѣ, гдѣ почти никогда не *лгали* потому, что владѣвшій долгое время тою провинціею *Мандаринъ*, здѣлалъ узаконеніе, перешедшее потомъ въ нѣкоторыя мѣста *Индіи*, по которому человѣкъ солгавшій однажды, осужденъ былъ на вѣчное молчаніе и исключенъ отъ всѣхъ государственныхъ чиновъ и всякой *Че-кіангецъ* за величайшее почитаетъ себѣ ругательство имя *лжеца*; и естьли кто въ

ономъ

ономъ кого обвинитъ, тотъ подъ смертною казнію долженъ доказать истинну обвиненія своего, когдаже оно доказано ясно и безъ всякаго сумнительства, то *лжецъ* немѣдленно бываетъ исключенъ отъ государственныхъ чиновъ и на вѣчное осужденъ молчаніе; а обвинитель подвергается денежному платежу за то, что былъ причиною къ открытію столь гнуснаго порока. Съ симъ то народомъ, другомъ истинны, жилъ *Цумъ-кчу* отецъ *Кандидовъ*; долгое время стеналъ сей честный человѣкъ, не имѣя дѣтей, пока наконецъ жена его стала беремѣнна, и какъ въ то время волшебницы вмѣшивались во все, то и *Цумъ-кчу* позвалъ изъ нихъ одну на родины *Ксумъ-ціи*. Она называлась *Чистосердою*, и была въ великомъ почтеніи въ *Че-кіангѣ*. Лишъ почувствовала жена его первыя скорби, то волшебница стала читать нѣкоторыя молитвы, отъ коихъ *Цумъ-кчу* пришелъ въ великое изумленіе, потомъ проговорила она тихимъ голосомъ нѣсколько словъ, кои ему были не понятны, и между тѣмъ увидѣлъ онъ жену свою вдругъ благополучно освобожденную отъ бремени. Тогда *Чистосерда*

подняла глаза свои на небо и разкрывъ большую свою книгу, стала въ ней искать судьбу младенца, коего назвала она *Кандидомъ*. Нашедши оную и прочла сїе пророчество: „естьли пробудетъ „онъ въ землѣ своей долѣе 18 лѣтъ возраста своего, то подверженъ будетъ „величайшимъ несчастїямъ; а въ отечество свое ему до тѣхъ поръ возвратиться не можно, пока найдетъ „онъ такого человѣка, который на „него не будетъ негодовать, услышавъ „отъ него истинну.

Цумъ-кчу и жена его плакали долго о необходимости лишиться сына своего прежде 18 лѣтъ; но *Чистосерда* утѣшала ихъ увѣряя, что сама объ немъ стараться и всегда защищать его будетъ. Послѣ сего простилась она съ честною сею четою, заповѣдавъ имъ воспитывать *Кандида* сходственно данного ему имяни, значащаго *цѣломудрый* или *чистый*. Добрые сїи люди не могли его иначе воспитывать; не было тогда въ *Че-кїангѣ* ни *Танцмейстеровъ*, ни *Берейтеровъ*, ни *Фехтмейстеровъ*, ниже учителей *Философїи* и *языковъ*. И такъ когда младенецъ достигъ того возраста, что можно его во что нибудь

употре-

употребить, то оставляли природѣ стараніе о его пріятностяхъ не налагая взаимственныхъ, и естьли кто изъ нихъ не имѣлъ наружныхъ качествъ, то ни мало не терялъ чрезъ то къ себѣ любви и почтенія, лишъ бы добрый человѣкъ былъ и достойный единоземцевъ своихъ, качествами сердца. Въ прочемъ по елику въ *Че-кіангѣ* не почитали за долгъ, биться до смерти, въ отмщеніе за какую нибудь обиду, хотя и имѣли довольно храбрости, то все тѣлесное упражненіе въ училищахъ той провинціи состояло въ томъ, чтобъ посылать дѣтей обѣдать за нѣсколько *Лїй* оттуда, отъ чего становились они столь крѣпки и проворны, что малое число лошадей, находящееся въ землѣ ихъ, употреблялось только для перевозу тягостей. Всякой довольствовался говорить *правду* на природномъ своемъ языкѣ, которому учили всѣхъ основательно, даже до двоезначущихъ словъ, кои хотя и не со всѣмъ на ложъ походятъ, однакожъ много иногда причиняютъ вреда. *Другимъ языкамъ* никого не обучали для того, что тому довольно одного языка, кто никого обманывать не хочетъ.

четъ. Что касается до *Философіи*, то въ *Че-кіангѣ* вся она состояла въ томъ, чтобъ дѣлать добро и любить справѣдливость и всякой внушалъ ее дѣтямъ своимъ. Добрый отецъ стыдился бы, естьли бы сынъ его отъ кого другова, кромѣ его добродѣтели любить и въ дѣйство производить научился.

Вотъ какое было воспитаніе *Кандидопо*! отъ отца своего научился онъ повиноваться непоколѣбимымъ и строгимъ правиламъ *спрапѣдлипости* и *добродѣтели*; а примѣръ его матери, научалъ его присоединять къ нимъ достоинства общежитія, нѣжное человѣчество, пріятное благодѣяніе, любовь къ людямъ и снисхожденіе къ погрѣшностямъ ихъ.

Такимъ образомъ воспитанный *Кандидъ*, сталъ въ 18 лѣтъ, сей молодый человѣкъ нравомъ тихій, мыслями откровенный, поступками честный, думалъ всегда то, что говорилъ, и говорилъ всегда то, что думалъ, когда его о чемъ спрашивали; любилъ чистосердечно добродѣтель, исполнялъ ее; однакожъ за оное не былъ почитаемъ чудомъ, столько была она въ *Че-кіангѣ* въ обыкновеніи. По

примѣру

примѣру счастливой сей провинцїи можно было судить, сколько пороковъ уничтожаетъ отчаянїе, ихъ скрывать, и къ сему то стремилось намѣренїе мудреца, давшаго законы *Че кїангу.* Юноша нашъ сталъ уже достойный отечества своего, съ сожалѣнїемъ оставлялъ оное; *Цумъ-кчу* обьявилъ ему предсказанїе волшебницы *Чистосерды*; увѣщевалъ его еще, чтобъ ничего не равнять съ *истинною*, ниже жизни и счастїя своего; далъ ему родительское благословенїе, омочилъ его своими слезами, желалъ ему скораго возвращенїя и простился съ нимъ. *Тункинское* судно, стоявшее на рейдѣ у *Ганг-чу* и ожидавшее одного вѣтра, для отъѣзда своего, удовольствовало нетерпѣливость, которую имѣлъ *Кандидъ* оставить свое отечество, для начатїя опытовъ своихъ. Наконецъ желаемый вѣтеръ сталъ дуть, парусы подняли и *Кандидъ* поѣхалъ.

ГЛАВА II.

Когда сидишъ на кораблѣ, то думаю я, что сїе почти тоже, что и въ

почтовой коляскѢ; говоришъ о вещахъ ничего не значущихъ для того только, чтобъ свести знакомство; и естьли должно Ѣхать далеко вмѢстѢ, то ищешъ ково нибудь, въ комъ бы могъ имѢтъ довольно довѢренности, чтобъ говорить съ нимъ все откровенно.

Ѣдущїе вмѢстѢ съ *Кандидомъ* были: одинъ старой купецъ изъ *Кесто*, *КорѢнка*, которая говорила: что Ѣхала къ мужу своему въ *Макао*, молодый *офицеръ*, который ласкалъ ее и угождалъ вовсемъ и одинъ *Бонзъ* секты *Комбадакской*, которую *Японскїй* Императоръ изъ государства своего выгналъ. Сей Государь почиталъ за истинну, что ежели въ государствѢ его мущина не будетъ пахать, а женщина не станетъ прясть, то, кто нибудь изъ подданныхъ претерпѢвать будетъ либо голодъ, либо стужу. Въ прочемъ секта сїя, слѢпо повинующаяся начальнику, который въ *Японїи* не присудствовалъ, проповѢдывала законъ ужасный, слѢдствїями котораго были многїе государственные беспорядки и уменшали богатство въ государствѢ.

Кандидъ среди людей сихъ слушалъ разговоры ихъ, не говоря ни слова;

Бонзъ

Бонзъ неперествалъ осыпать похвалами своего *Комбадакси* и предвѣщать *Японіи* ужаснѣйшія нещастія, естьли его нравоученіе придетъ тамъ въ упадокъ; *кулецъ* кричалъ непрестанно противъ *Комбадаксіанцовъ* сдѣлавшихся *банкрутами*; *офицеръ* никакъ не прощалъ имъ трехъ смертоубійствъ, коимъ причиною было пагубное ихъ нравоученіе; *Корѣенка* не знаю для чего, хвалила все, что худаго о комъ не говорили. *Бонзъ* защищался сколько могъ, и всегда ссылался на молодаго *Кандида*; сіе весьма часто бываетъ съ тѣми, кои умѣютъ молчать; ихъ почитаютъ, боятся, желаютъ ихъ единомыслія, не зная для чего. *Кандидъ* наблюдалъ видъ, все значущій и нерѣшимый, который и тѣмъ и другимъ благосклоненъ казался.

Наконецъ принудили его сказать, что онъ думалъ; я не очень знаю, о чемъ дѣло идетъ, отвѣчалъ *Кандидъ*: однако мнѣ кажется, что говорите вы съ лишкомъ горячо противъ сего человѣка и секты его; она можетъ быть вредна и столь опасна, какъ вы сказываете, я о семъ ничего не знаю; я не могу о ней судить, ни по обвиненіямъ вашимъ, кои мнѣ кажутся съ лишкомъ

комъ жестоки къ тому, чтобъ быть со всѣмъ справедливыми, ни защищенія сего *Бонза*, о сектѣ его; оно мнѣ кажется и слабо и не связно, чтобъ оному вѣрить; но знаю я и вижу то, что человѣкъ сей несчастливъ и въ изгнаніи. Будучи таковъ, имѣетъ онъ право пользоваться сожалѣніемъ и почтеніемъ душъ чувствительныхъ и честныхъ: жестоко и подло печалить несчастнаго . . . *Кандидъ* больше сего не говорилъ, видъ неудовольствія, которой примѣтилъ онъ на всѣхъ лицахъ, показалъ ему, что не найдетъ здѣсь того человѣка, которому бы истинну сказать можно было.

ГЛАВА III.

Во время путешествія, *Бонзъ* будучи несколько раздраженъ отвѣтомъ *Кандидоцымъ*, какъ другіе, въ прочемъ казался, будто хочетъ привлечь къ себѣ довѣренность его, открылъ ему, что сочинилъ онъ рѣчь, которую намѣренъ былъ послать къ великому *Даиру*, и коею думалъ онъ доказать, что сей

самодер-

самодержавный *Жрецъ* долженъ проклясть всѣхъ государей, выгоняющихъ *Комбадаксїанцовъ* изъ земель своихъ и разрѣшить ихъ подданныхъ отъ учиненной ими присяги, увѣряя, что лучше повиноваться творцу вселенной, нежели властямъ земнымъ, и что все позволяется противъ такого Государя, которой отягощаетъ совѣсть подданныхъ своихъ, и выгоняетъ тѣхъ, кои оною повелѣваютъ. Какъ! почтенный отецъ, сказалъ *Бонзу* житель *Че-кїанга*: ты сочинилъ рѣчь, для доказыванїя предложенїй, столь гнусныхъ, столь лживыхъ и мятежныхъ, каковы сїи, естьлибъ уличили тебя въ оныхъ предъ *Китайскимъ Мандариномъ*, тобъ велѣлъ онъ тебя задавить, какъ какое нибудь чудовище. Пожалуй скажи, по какому праву можешъ ты судить такимъ образомъ, цѣлые народы и Государей ихъ, какъ ты говоришъ, что проповѣдуешъ законъ мирный, тихїй, справѣдливый, ненавидишъ кровопролитїя, а вмѣсто того, кровожаждущїя твои правила, влагаютъ въ руку перваго суевѣра, по несчастїю тобою увѣреннаго, кинжалъ на Государя своего? ты меня въ ужасъ приводишъ. Нашъ *Конфуцїй*, который

вѣрно стоилъ вашего *Комбадакси*, сказалъ имянно сими словами: *Государь твой тебѣ отецъ и господинъ; ты обязанъ ему повиновенїемъ и любовїю; кровь твоя, по первому повелѣнїю за него проливаться должна для того, что онъ отъ Бога твоимъ повелителемъ опредѣленъ.* Члены святаго закона! вотъ то нравоученїе, которое вы проповѣдывать должны.

Комбадаксїанецъ весьма сожалѣлъ, что открылся *Кандиду*, боялся онъ, чтобъ *Кандидъ* его не обвинивъ по прїѣздѣ въ *Макао*, гдѣ не вѣрили непоколѣбимой власти великаго *Даира* и тому, что думалъ онъ имѣть право низлагать съ престоловъ всѣхъ Государей во имя *Тенсїо-дай-цина* и для того вознамѣрился онъ его предупредить. Онъ сказалъ *Капитану*, что молодой сей человѣкъ невѣрилъ ни въ *Тайбу*, ниже *бальзаму* святаго *Зайца* и утверждалъ, что можно выходить и въ первый день года, лишъ бы не шолъ дождь, и не было бы холодно; онъ безбожникъ, примолвилъ онъ, и должно опасаться, чтобъ онъ не былъ причиною погибели всего корабля; потомъ хотѣлъ онъ принудить *Капитана*, чтобъ высадить

дить его на какой нибудь пустой островъ, дабы чрезъ то избѣжать наказанія божескаго, угрожающаго всему кораблю, естьли онъ въ немъ находиться будетъ. *Тункинецъ* будучи не суевѣренъ, отвѣчалъ *Бонзу*: что онъ никакой не имѣетъ причины поступать жестоко съ молодымъ путешественникомъ, ради мыслей его и что ежели то правда, что онъ безбожникъ, то это не его дѣло, и что раздраженное имъ божество, мщеніе свое пролить на него не преминетъ, когда соизволитъ. Сей честной человѣкъ здѣлалъ еще больше сего; онъ увѣдомилъ *Кандида* о ненависти, которую *Комбадаксіанецъ* противъ его объявлялъ и незнавъ тому причины, совѣтовалъ ему оной остерегаться для того, говорилъ онъ, что ненависть *Бонзовъ*, а особливо *Комбадаксіанскихъ*, непримирима, тайна и опасна. *Че-кіангецъ* почувствовалъ всю истинну совѣтовъ его, *Агримальда* (такъ назывался *Бонзъ*) сталъ оказывать ему больше дружбы, нежели прежде; звалъ часто *Кандида* пить съ собою чрезвычайно хорошаго Имперскаго *чаю*, котораго съ нимъ было множество; но молодый нашъ человѣкъ

узнавъ, что *Комбадаксїанцы* были опасные аптекари, проницалъ намѣренїи *Агримальдоны*, ужасался оныхъ и опасался ласковаго его обхожденїя столько, сколько и Имперскаго его *чаю* и хорошо въ томъ поступилъ; *Бонзъ* вознамѣрился опоить его ядомъ и безъ милостиваго совѣта того *Капитана*, погибъ бы *Кандидъ* за то, что сказалъ правду.

ГЛАВА IV.

О *Чистосерда*, *Чистосерда*! когда найду я того, который услышитъ *истинну* и не осердится? когда возвращусь я въ *Че-кїангъ* и увижу добрыхъ своихъ единоземцовъ? Такъ говорилъ *Кандидъ*, сходя съ корабля въ *Макао*, прїѣхавъ туда благополучно.

Тамъ *Че-кїангецъ* розстался съ товарищами своими, въ намѣренїи пробыть нѣсколько дней въ семъ городѣ. Отправляющїйся тамъ великой торгъ, привлекалъ всегда множество чужестранцовъ и великое число разныхъ народовъ. *Кандидъ* надѣялся найти человѣка, которому *истинна* не противна будетъ. *Чистосерда* дала

ему

ему *талисманъ*; сила, котораго внушала всякому дружбу и довѣренность къ *Кандиду*; я оное сказать и позабылъ, но всего упомнить не можно; и такъ нашъ путешественникъ не имѣлъ труда свесть знакомство съ множествомъ торгующихъ, живущихъ для дѣлъ своихъ въ *Макао*.

Изъ всѣхъ тѣхъ, съ коими *Кандидъ* имѣлъ знакомство, больше всѣхъ искалъ онъ дружества одного человѣка лѣтъ около 50, который изъ острова *Формоза* переѣхалъ въ *Макао* жить банкиромъ. *Банкиръ* сей имѣлъ видъ человѣка честнаго, изъявляющаго чистосердечїе и искренность. И дѣйствительно изъяснился онъ съ молодымъ путешественникомъ нѣкоторыми грубостьми, кои почиталъ онъ истиннами, а сей тому много радовался; ибо воображалъ, что человѣкъ любящїй говорить то, что думаетъ, долженъ столькоже охотно слушать, что и прочїе думаютъ и вознамѣрился при первомъ случаѣ говорить ему безъ притворства. *Жена* банкирова, имѣя уже съ лишкомъ 40 лѣтъ, почитала еще себя *красавицею*, хотя и въ 20 лѣтъ оною не была, и весьма старалась

понра-

понравиться *Кандиду*, коего прїятный и откровенный видъ ей сильно полюбился. *Кандидъ* оное столь мало примѣчалъ, что она принуждена была у него спросить; *люблипалъ ли онъ когда?* . . . Нѣтъ Сударыня! отвѣчалъ *Кандидъ*: и ни гдѣ кромѣ *Че-кїанга* любить не буду; мнѣ сказывали, что въ сей одной землѣ женщины чистосердечны и не румянятъ ни мыслей своихъ, ни лицъ. *Формозанка* покраснѣла бы, естьлибъ могла, но отвѣтъ сей, ее чрезвычайно разсердилъ. Мужъ ее онаго не примѣтилъ и обходился съ *Кандидомъ* весьма ласково, который съ своей стороны тѣмъ же ему соотвѣтствовалъ. *Кандидъ* имѣлъ векселя, по которымъ деньги получить могъ изъ *Чао-канабы*, но нехотѣвъ ѣхать въ сей городъ такъ скоро, думалъ онъ, что новой его знакомецъ, въ ономъ ему пособитъ и дастъ за оные нѣсколько денегъ и векселей для объявленїя въ *Луопо*, куда онъ въ скоромъ времяни отправиться хотѣлъ. *Банкиръ* на то согласился, но съ такою великою лихвою, что *Кандидъ* не могъ удержаться, чтобъ не сказать ему весьма откровенно, что и *Банїанъ* (*Азїатскїй жидъ*) съ нимъ лучше бы поступилъ и

что

что въ *Че-кіангѣ* сочли бы за бездѣльника того, который бы такъ жестоко въ денежномъ переводѣ поступалъ.

Сего довольно было къ тому, чтобъ *Формозанецъ* любившій лучше говорить *грубости*, нежели слышать *истинну*, непремиримо съ *Кандидомъ* поссорился; а сей изъ всѣхъ своихъ знакомцовъ желалъ себѣ непріятелей, для того не таилъ отъ нихъ своихъ мыслей, о не большихъ обманахъ, употребляемыхъ ими въ торгу, въ коемъ по его мнѣнію одна справѣдливость господствовать должна. И такъ *Че-кіангецъ* увидѣлъ себя оставленна отъ всѣхъ тѣхъ, кои его съ начала приняли, всѣ стали на него указывать пальцами, какъ на человѣка опаснаго и въ скоромъ времяни уже онъ никого посѣщать не могъ.

ГЛАВА V.

Между тѣмъ *Кандидъ* твердо вознамѣрился никогда *не лгать*, хотя бы ему никогда въ отечество свое не возвращаться. Столь труденъ былъ *законъ*, на вѣчное молчаніе осуждающій; но судьбу

судьбу свою наконецъ исполнить надлежало; такъ, чтожъ говорилъ онъ самъ себѣ: вить не *Комбадаксїанцамъ* и не глупымъ *женщинамъ*, *истинна* прїятна, подлыя ихъ души нечувствуютъ никакого удовольствїя, услышавъ отъ другова о порокѣ своемъ, коего пристрастїе ихъ, видѣть имъ недозволяло. Одинъ *Философъ*, *Мудрецъ* великой человѣкъ, достоинъ вниманїя истиннѣ.

Такъ размышляя *Кандидъ*, прохаживался по прекрасной долинѣ въ двухъ *Лїяхъ* отъ *Макао* лежащей; задумчивость отдаливъ его нечувствительно отъ сего города, привела его при концѣ дня къ огромному дому, великолѣпными садами украшенному, окруженному полями плодоносными и рачительно удобренными; въ разныхъ мѣстахъ разсѣянныя и нѣсколько украшенныя хижины, изображали обиталище многочисленнаго и счастливаго народа. Земледѣльцы возвращались съ радостнымъ воскликновенїемъ сельскихъ пѣсенъ при игранїи на дудочкахъ въ домы свои, гдѣ жены и дѣти дожидались ихъ съ нетерпѣливостїю и по пришествїи обнимали ихъ, какъ будто невидались цѣлый годъ, добродушный *Че-кїангецъ* плѣнился

нился симъ зрѣлищемъ, здѣсь то говорилъ онъ самъ себѣ: здѣсь то живетъ другъ человѣчества, благодѣтельная его рука установила здѣсь блаженство; пойдемъ къ нему, въ немъ конечно найду я конецъ странствованїю моему.

Пришедши ко входу того дома, *Кандидъ* увидѣлъ молодаго человѣка, гуляющаго съ книгою, коего ласковый видъ казался ему благосклоннымъ. *Кандидъ* подошелъ къ нему и спросилъ: кому принадлежитъ сей домъ? Конечно вы недавно прїѣхавшїй чужестранецъ, отвѣчалъ молодый человѣкъ: не знаете еще, что славный *Ел-ропт*, прославившїйся въ *Китаѣ* болѣе всѣхъ, послѣ *Конфуцїя*, назначилъ сїе мѣсто убѣжищемъ своимъ и что провождаетъ здѣсь дни свои въ Философическомъ покоѣ. Какъ! отвѣтствовалъ *Кандидъ*: здѣсь живетъ сочинитель *Перомы*, *Раизы*, *Елида*, *Заирлы*, *Ренгїады* и *добродушнаго*! Сей великїй защитникъ правъ человѣчества и разсужденїя! сей разумъ острый и плодовитый, заслужившїй быть другомъ королевскимъ и показавшїй имъ истинну! всеконечно! такъ, отвѣчалъ молодый человѣкъ: и въ убѣжищѣ своемъ находитъ онъ случай исполнять

тѢ добродѢтели, кои онъ всегда употребляпъ совѢтовалъ, подданные его непритѢснены, плодъ трудовъ ихъ, имъ принадлежитъ, они пользуются онымъ спокойно и обязаны тѢмъ *Ел-ропту*. Сей славный человѢкъ служитъ подпорою несчастливымъ; *Лааксы* и *Ерузины* нашли въ немъ защитника и отца; несчастія ихъ приводили въ ужасъ цѢлый свѢтъ, но благодѢтельными стараніями *Ел-ропта* они кончились. Да, я самъ былъ молодъ и бѢденъ; завистники не простили мнѢ нѢкоторые успѢхи въ наукахъ; несчастіе гнало меня, *Ел-роптъ* оное узнавъ, подалъ мнѢ въ домѢ своемъ убѢжище. Чемъ болѢе слышалъ *Кандидъ* похвалы о *Ел роптѢ*, тѢмъ болѢе желалъ его видѢть и съ нимъ говорить. Ахъ! конечно сей великій мужъ, услышитъ истинну безъ негодованія, говорилъ онъ: и я возвращусь въ *Че-кіангъ*. *Кандидъ* слушая похвалы *Леафаропы* (такъ назывался незнакомый) подходилъ къ дому. Онъ принялъ съ радостію предложеніе быть представлену и будучи вопрошенъ о имяни, оно не извѢстно, сказалъ онъ: и я хочу, чтобъ пребыло такъ на всегда, я люблю добродѢтель и истинну:

и симЪ однимЪ достоинствомЪ могу заслужить честь, видѣть *Ел-ропта* и ему удивляться. Говоря такЪ, *Кандидъ* вошелЪ сЪ тайнымЪ трепетомЪ таковымЪ, какой объемлетЪ старицу входящую молить божество, вЪ храмЪ его. ЛишЪ увидѣлЪ *Ел-ропт* юношу, то по дѣйствiю учиненному *Талисманомъ*, обнялЪ онЪ его весьма ласково. *Кандидъ* на силу могЪ оправиться и спустя нѣсколько времяни, сталЪ говорить сЪ *Ел-роптомъ*, который безЪ труда принудилЪ его пробыть нѣсколько дней у себя вЪ домѣ, за ужиномЪ говорили о вольности закона, о человѣколюбiи, о заблужденiи исторiй и напечатанныхЪ лжахЪ. ТутЪ торжествовалЪ *Ел-роптъ*; правда, что онЪ иногда тѣже слова повторялЪ, однакожЪ ему всегда удивлялись и слушали всегда сЪ прiятностiю! *Кандидъ* увѣрялЪ его чистосердечно, что почиталЪ его человѣкомЪ рѣдкимЪ и самою добродѣтельнѣйшею душею на свѣтѣ; что сочиненiями и дѣлами своими превосходилЪ онЪ всѣхЪ и *Ел-роптъ* имЪ весьма былЪ доволенЪ.

ГЛАВА

ГЛАВА VI.

Кандидъ ложась спать говорилъ: скоро услышу я что нибудь отъ *Чистосерды* для того, что какъ не буду я справѣдливо говорить съ *Ел-роптомъ* мнѣ нѣчего ему сказать, кромѣ учтивостей; съ нимъ похвалами изъясняется *истинна*. Однакожъ посмотримъ доконца.

На другой день пошелъ *Кандидъ* въ кабинетъ къ *Ел-роптy*; онъ принялъ его еще ласковѣе, нежели вчерась и спрашивая *Кандида*, о приключенiяхъ его, сей розсказалъ ему откровенно все, что съ нимъ происходило, ты еще не великикiя терпѣлъ несчастiя, сказалъ ему мудрый старецъ: но жди всего, естьли вознамѣришся сказывать *истинну* знатнымъ и тѣмъ, кои лѣстью заражены. О! сказалъ *Кандидъ*: я надѣюсь, что мнѣ уже нѣчего будетъ искать и что возвращенiе мое въ *Че-кiангъ* не надолго отложено будетъ. Естьли кто можетъ внимать истинну, то это мудрецъ просвѣщающiй вселенную. Похвалы къ сторонѣ, отвѣчалъ *Ел-роптy*: однакожъ я твои почитаю больше всѣхъ про-

прочихъ, я тебѣ скажу, что дѣйствительно люблю *истинну* и что почелъ бы я за человѣка подлаго, за измѣнника, за своего непрїятеля того, ктобы солгалъ лаская мнѣ, тѣмъ лучше, говорилъ *Кандидъ*.

Чрезъ нѣсколько дней довѣренность между ими совершенно установилась. *Ел-ропть* сказалъ *Кандиду*: что окончилъ онъ *трагедїю*, которую въ *Пекинъ* посылать хочетъ и что проситъ его сказать объ ней свое мнѣнїе. Больше всего, примолвилъ онъ: скажи мнѣ свои мысли и не льсти мнѣ. Я тебя болѣе буду благодарить, естьли покажешъ ты мнѣ погрѣшности сочиненїя моего, нежели онаго красоту, ежели она есть.

Послѣ сего *Ел-ропть* прочелъ свою *Трагедїю Кандиду*, который слушалъ ее съ одного конца до другаго больше со вниманїемъ, нежели съ удовольствїемъ. По окончанїи *Кандидъ* сказалъ ему откровенно: что исторїя *трагедїи* почти таже, что и въ другой, которую онъ прежде сего сочинилъ, что важность положенїй и развязка были точно тѣже. Въ прочемъ примолвилъ откровенный *Кандидъ*: мнѣ кажется, что

вы хотѣли описывать нравы *Хеистопъ* и *Тарнопъ*, но далеко отъ сего до того справѣдливаго и сильнаго изображенія, которое въ другомъ сочиненіи учинили вы о *Китайцахъ* и ихъ побѣдителяхъ, чтоже касается до сплѣтенія стиховъ, то признаюсь, что въ ономъ васъ со всѣмъ не узнаю, и естьли послушаетесь вы откровенныхъ моихъ совѣтовъ, то не издавайте сочиненія сего въ общество, хотя имя ваше и защититъ оное отъ совершеннаго опроверженія; но слава *Ел-ропта* достойна величайшаго и непрерывнаго успѣха; въ подробностяхъ же сего сочиненія есть конечно и красоты, но не оными сочинитель *Перомы*, *Раизы* и *Мисамериды* славиться долженъ.

Естьлибъ славные люди были безъ слабостей, то бы сіе справѣдливое и скромное осужденіе благосклонно *Ел-роптомъ* было принято. Въ сочиненіяхъ своихъ былъ уже онъ столь великъ заслуженными и великими своими побѣдами, что откровенность *Кандидопа* не должна бы была казаться ему противною; но похвалы всей *Азіи*, коими *Ел-роптъ* около 40 лѣтъ уже пользовался, учинили его съ лишкомъ чувствительнымъ

нымъ къ наималѣйшему противорѣчію. Началъ онъ отягощать *Кандида* шутками ругательными и колкими, а окончилъ выславъ его изъ дому. *Кандидъ* въ смущеніи возвратился въ *Макао*, сожалѣя, что столь великій человѣкъ непревзошелъ слабостей людскихъ и печалился не о томъ, что *Ел-ропть* его обидѣлъ, но о томъ, что потерялъ онъ ту надежду, которою ласкалъ себя, видѣть въ скоромъ времяни свое отечество.

Не могъ уже онъ жить въ *Макао*, гдѣ худая объ немъ слава, лишала его всякаго общества. И такъ поѣхалъ въ *Чао-кингъ* для полученія тамъ денегъ по векселямъ своимъ, и пробывъ тамъ два дни, сѣлъ онъ въ *Японское* судно, отправляющееся въ *Кошиншикъ*, а оттуда поѣхалъ прямо въ царство *Лаопъ*.

ГЛАВА VII.

Тогда торжествовали одинъ изъ двухъ величайшихъ праздниковъ того государства. Король не большой сей части *Азіи*, платившій прежде сего *Ки-*

тою дань, являлъ священный образъ свой только два раза въ годъ народу своему, который изъявлялъ радость свою весельями, восемь дней продолжающимися. *Кандидъ* въѣхавъ въ первый городъ сего государства, увидѣлъ улицы онаго убраны коврами и цвѣтами усыпаны, но примѣтилъ, что праздники сіи подавали причину *Мандирину* оной провинціи получать подарки, отъ коихъ нѣкоторую часть отдавалъ онъ Королю. Онъ увидѣлъ такъ же, что повели въ тюрьму бѣднаго человѣка, многочисленною семьею окруженнаго за то, что не могъ онъ удовольствовать корыстолюбіе судьи того, всѣ сожалѣли о семъ несчастномъ. Одинъ *Кандидъ* осмѣлился укорить судью не справедливостію и жестокосердіемъ. *Мандаринъ* невыслушавъ его, отъ него отошелъ, приказалъ подчиненнымъ своимъ отогнать сего грубіяна. Всякой знаетъ, что приказы *Лаопскихъ Мандариновъ* точно исполняются; *Кандидъ* за чистосердечіе свое получилъ нѣсколько ударовъ палкою и былъ бы прибитъ, естьлибъ слѣдующая за *Мандариномъ* толпа не помогла ему уйти.

Скорѣе

Скорѣе всего поспѣшилъ молодый путешественникъ оставить сей городъ, гдѣ откровенность его столь худо заплачена была, и поѣхалъ въ *Ланджамъ*, столицу сей Имперіи. Всѣ превозносили похвалами владѣющаго въономъ Государя; онъ по установленному обыкновенію обнародовалъ указъ, позволяющій всѣмъ находящимся въ землѣ его, приходить къ его престолу и сказывать правду. *Кандидъ* обрадовавшись сему, идетъ прямо во дворецъ, входитъ въ королевскіе чертоги и слушаетъ тѣхъ, коимъ прежде его говорить надлежало. Иной выхвалялъ справедливость Монарха, другой его благодѣяніи, тотъ превозносилъ его храбрость, отъ которой говорилъ, что трепетали *Тункинъ* и *Пегу*, другой почиталъ любовь его къ наукамъ и художествамъ; потомъ предсталъ стихотворецъ и подалъ оду, въ которой призвавъ *истинну*, описалъ Короля совершеннѣйшимъ героемъ; всѣ получили подарки, и Государь думалъ, что слышалъ *истинну*. Какъ пришла очередь говорить *Кандиду*, то началъ онъ рѣчь свою сими словами: Государь справѣдливый и добродѣтель-

ный не долженъ терпѣть, чтобъ подданные его были утѣснены и обижены тѣми, коимъ ввѣряетъ онъ часть власти своей. Онъ ихъ отецъ, онъ долженъ стараться о благополучіи дѣтей своихъ въ учиненныхъ имъ обидахъ, онъ виновенъ даже, когда онъ ихъ и незнаетъ потому, что непростительно ему ихъ незнать. Я видѣлъ въ *Караѣ Мандарина*, обидѣвшаго одного изъ подданныхъ твоихъ за то, что не исполнилъ онъ одного излишняго требованія; а я чужестранецъ, я находившейся въ твоемъ покровительствѣ, вступя во владѣніе твое, упрекнувъ его безчеловѣчіемъ, получилъ отъ него подлѣйшее наказаніе. Я прошу справѣдливости, не для меня, но для сего бѣднаго человѣка, отведеннаго въ тюрьму, не взирая на его невинность, на слезы жены его и крикъ его дѣтей.

Выслушавъ сіи словà Государь, нахмурилъ освященное чело свое, нѣсколько времяни не зналъ онъ, что говорить. Изъ придворныхъ его умѣреннѣйшіе сочли, что чужестранецъ былъ дерзокъ, другіе считали его безумнымъ, а большее число назвали его оскорбителемъ

лемъ Величества; примѣтили и то, что противъ древнихъ узаконенiй царства *Лаопъ*, здѣлалъ онъ только 50 колѣнопреклоненiй, вмѣсто 51, и заключили, что онъ достоинъ смерти. Король умилостивясь, приказалъ выгнать его изъ дворца, и подъ смертною казнiю запретилъ ему быть въ своемъ Государствѣ. Всѣ стали хвалить его милосердiе, а онъ сiе счелъ за *истинну*.

ГЛАВА VIII.

Углубясь въ печальнѣйшiя размышленiи, *Кандидъ* шелъ въ *Тункинъ* и начиналъ отчаяваться о успѣхѣ опытовъ своихъ. Какъ! говорилъ онъ: такъ никто не можетъ слышать истинны? Государи и тѣ, коихъ вселенная удостоиваетъ именемъ *мудрецовъ*, ее ненавидятъ, и почитаютъ непрiятелями своими тѣхъ, кои имъ оную показываютъ. О *Цумъ-кчу*, О *Ксуам-цiе*, О *Отечество* мое! такъ я васъ никогда уже не увижу.

Проводивъ нѣсколько дней въ пути, *Че-кiангецъ* шелъ по дорогѣ, лежащей подлѣ рощи и услышавъ въ оной звукъ

оружія, побѣжалъ туда и увидѣлъ человѣка богато одѣтаго, обороняющагося храбро отъ трехъ убійцовъ, съ яростію на него нападающихъ. *Кандидъ* имѣлъ при себѣ саблю, которую никогда изъ ноженъ не вынималъ, но смѣлость служила ему вмѣсто искусства; стремительно нападаетъ онъ на убійцевъ, разсѣкаетъ голову лютѣйшему, и не взирая на двѣ раны, полученныя имъ, почти въ то же время другихъ двухъ, прогоняетъ съ помощію незнакомца, коего столь нечаянное вспоможеніе новымъ наполнило мужествомъ. Сей увидя, что путешественникъ нашъ раненъ, просилъ его въ свой за́мокъ, не въ дальномъ разстояніи отъ рощи лежащій; идучи, *Тонглукъ* (имя *Тункинца*) разсказывалъ ему, какимъ образомъ впалъ онъ въ такую опасность. Служа нашему Императору десять лѣтъ противъ Короля *Пегунскаго*, говорилъ онъ *Кандиду*: проживъ половину моего имѣнія и получивъ три раны саблею, кои во весь вѣкъ мой, чувствуемы будутъ. удалился я съ сею фарафоркою, которую вы на шеѣ у меня видите, и съ тридцатью слитками серебра пенсіи, которой мнѣ въ свое время не платятъ. Въ шесть

мѣся-

мѣсяцовъ наскучило мнѣ уединенїе мое, и я женился тому 8 лѣтъ на молодой, благородной, но бѣдной дѣвушкѣ; жилъ я съ нею довольно согласно; но мѣсяца съ три тому, какъ познакомился я съ однимъ *Танси*, близъ насъ живущимъ, который меня много безпокоитъ. Вы знаете, что въ *Тункинѣ Тансїи* сїи всѣ люди ученые, имѣющїе нѣкоторой чинъ и пользующїеся великимъ почтенїемъ. *Орайко*, имя сего учителя, имѣетъ видъ прїятной и свойствы любезныя; сїи преимущества употребляетъ онъ, стараясь нравиться женщинамъ и получить дружество мущинъ. Жена моя показала великую склонность къ наставленїямъ его, и такъ онъ въ домѣ моемъ дѣлался господиномъ; сїе мнѣ не полюбилось, я сказалъ имъ то обѣимъ, и такъ стараяся отлучить *Орайку* отъ дома моего. Удалось мнѣ сїе, онъ пересталъ ко мнѣ ходить, но увидѣвъ меня однажды у одного изъ сосѣдей моихъ, съ коимъ ѣзжу я часто на охоту, вздумалъ онъ смѣяться мнѣ тѣмъ, что называлъ онъ ревнивостїю; я огорчась его шутками, просилъ его, чтобъ онъ замолчалъ; однакожъ онъ продолжалъ насмѣшки свои и довелъ меня до

того, что потерялъ терпѣнїе, побилъ я его палкою. Онъ вышелъ изъ дому, угрожая мнѣ, но я угрозамъ его смѣялся для того, что знаю, какой онъ трусъ; но безъ васъ, любезный избавитель! узналъ бы я, сколь опасна злоба трусливаго человѣка.

Окончивъ сїи слова, *Тонглукъ* и *Кандидъ* увидѣли себя у воротъ весьма изряднаго дома, вошли въ оной, но въ какое удивленїе пришелъ *Тункинецъ*, увидѣвъ домъ свой пустъ. О небо! вскричалъ онъ трепеща: такъ жена моя сообщница преступленїю *Орайки*? измѣнница *Агира*, съ нимъ согласясь подкупила весь домъ мой! *Тонглукъ* въ бѣшенствѣ, проходитъ всѣ покои, видитъ, что вынесено изъ нихъ все лучшее и въ комнатѣ жены своей находитъ два письма, кои она въ суетахъ бѣгства не примѣтивъ, позабыла. Прочитавъ ихъ, находитъ онъ въ нихъ доказательство, причиненнаго ему ругательства. Чрезвычайность несчастїя его, помогла его утишить себя, видя, сколь достойна презрѣнїя жена его, скоро онъ ее позабылъ.

Глава

ГЛАВА IX.

Кандидъ не могъ понять такихъ ужасныхъ дѣлъ, онъ пришелъ отъ нихъ въ изумленiе и насилу могъ найти нѣсколько словъ въ утѣшенiе. Онъ бралъ участiе въ несчастiяхъ *Тункинца*, чувствовалъ къ нему отмѣнную склонность, всѣ добрыя сердца находитъ друга въ несчастномъ, а особливо когда для него что нибудь сдѣлано. Не станемъ разлучаться, сказалъ ему *Тункинецъ*: мой жребiй опредѣлилъ мнѣ путешествовать, такъ станемъ ѣздить вмѣстѣ; мѣста сiи представляютъ вамъ предмѣты оскорбительные и напоминая поминутно случившееся въ нихъ, непрестанно будутъ терзать сердце ваше. Поѣдемъ, вы найдете во мнѣ дружество, могущее привесть въ забвенiе всѣ горести ваши; разсудокъ и время исполнятъ прочее.

Тонглукъ на то согласился, въ нѣсколько дней продалъ онъ все свое имѣнiе и они уже хотѣли ѣхать, какъ *Кандидъ* сдѣлался боленъ. Не можно изъяснить, съ какимъ тщанiемъ *Тун-*

кинецъ старался сыскивать нужныя *Че-кїангцу* вспоможенїи. Благодарность его и дружба утѣшала *Кандида* въ болѣзни и прошедшихъ несчастїяхъ его; одно безпокоило его то, что на нѣсколько времени надлежало ему отложить опыты свои и возвращенїе въ *Че-кїангъ*.

Найденный *Тонглукомъ* врачь, пришелъ со всѣмъ своимъ смертоносным причетомъ, но нимало не способствовалъ къ удовольствованїю нетерпеливости *Кандидовой*, для лѣченїя его по правиламъ, продолжалъ онъ болѣзнь гораздо болѣе, нежели бы она безъ лѣкарствъ его продлилась. Наконецъ *Кандидъ* не могши его болѣе терпѣть, спросилъ лѣкаря откровенно: знаетъ ли онъ что нибудь въ болѣзни его? отвѣтъ врача былъ столько смѣшонъ, что *Кандидъ*, до сихъ поръ почти ничего съ нимъ неговорившїй, сказалъ прямо: что онъ ничего не смыслитъ и что болѣе способенъ больнымъ скучать, нежели ихъ лѣчить, и сказалъ правду. Лѣкарь надмѣнъ будучи похвалами нѣсколькихъ женщинъ, почиталъ себя первѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ и разсердясь *Кандидовою* рѣчью, думалъ отмстить ему оставя его и запретивъ причету своему его навѣщать.

ВЪ семЪ случаЂ истинна была полезна *Че-кїангцу*; онЪ не хотЂлЪ больше слышать о лЂкаряхЪ и природа не имЂя уже лЂкарственныхЪ препятствЪ, возвратила ему прежнее здоровье, и онЪ былЪ вЪ состоянїи Ђхать.

ГЛАВА X.

Молодый *Че-кїангецъ*, горЂлЪ желанїемЪ испытать: можетЪ ли *Тонглукъ*, вЂрный его другЪ, безЪ роптанїя слышать истинну предразсужденїямЪ его противную; иногда надЂялся онЪ, что человЂкЪ, могущїй чувствовать сильнЂйшую дружбу, вЪ прочемЪ честїю и добродушемЪ исполненный, на искренность его не озлобится, а иногда опасался, чтобЪ излишнею истинною не потерять своего друга. Одно сїе положенїе могло принудить *Кандида*, естьли не измЂнить истиннЂ, то по меншой мЂрЂ иногда оную скрывать; и такЪ *Тонглукъ* поЂхалЪ сЪ нимЪ изЪ *Косго* вЪ добромЪ согласїи, и до самаго прїЂзда вЪ *Луопо*, было оно не нарушимо.

Они вЪЂхали вЪ великой сей городЪ вЪ то время, какЪ одинЪ *Кошиншинской*

чародѣй всѣмъ глаза омрачалъ; онъ здѣлалъ столъ, изъ котораго давалъ кружечки вмѣсто вещей, и увѣрялъ *Сiамцовъ* что даваемое имъ лучше того, что получалъ онъ въ обмѣнъ. Дѣйствiемъ его волшебной силы все, что являетъ величайшую пышность, весь блескъ роскоши, повсемѣстно въ *Луовѣ* наполнилось, всѣ головы рехнулись и всѣ чины стали смѣшаны: иной смотря на балахонъ, носимый отцемъ его, дивился, какъ онъ его надѣвать могъ и взиралъ гордымъ окомъ на тотъ кафтанъ, которой онъ самъ прежде сего носилъ; другой почиталъ деревенскою хижиною тотъ домъ, въ коемъ онъ прежде сего привороскотникомъ былъ и тратилъ 500000 тiевъ, дабы исправить его только такъ, чтобъ въ немъ жить можно было; тотъ, который прошлаго года собственныхъ башмаковъ не имѣлъ, старался ослѣпить великолѣпiемъ своимъ тѣхъ, кои прежнее его состоянiе помнятъ; другой насытясь богатствомъ, желалъ имѣть родословную, могущую очистить источникъ крови его; однимъ словомъ: фортуна, или больше чародѣй, оборачивалъ все по своему, и жадность къ кружечкамъ его, была столь велика,

что всякой на послѣдния вещи, оныя достать старался.

Кандидъ удивясь безпорядку цѣлаго *Луоно*, спрашивалъ о причинахъ онаго: нѣкто ему оныя истолковалъ, а *Кандидъ* лишъ узналъ въ чемъ дѣло состояло, то привыкъ говорить всегда, что думалъ, объявилъ онъ весьма разумныя и справедливыя размышленія на ослѣпленіе *Сіамцовъ* и на неизвѣстность благодѣянии *Кошиншинскаго* чародѣя; онъ старался даже вывесть изъ заблужденія и говорившаго съ нимъ, которой казался ему великимъ почитателемъ волшебныхъ сихъ кружечковъ. Къ нещастію своему молодый путешественникъ говорилъ мысли свои съ лишкомъ громко, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ больше двадцати человѣкъ его слушали; одинъ отъ правленія опредѣленный соглядатай, услышавъ *Кандидовы* слова, перенесъ ихъ чародѣю, великую силу въ городѣ имѣющему, такъ, что тогоже вечера *Че-кіангецъ* посаженъ въ тюрьму, чтобъ тамъ научиться, какъ говорить, или лучше, какъ молчать.

Удивясь чрезмѣрно, видя себя заключенна за такое дѣло, *Кандидъ* вдался въ печальнѣйшія и безполезнѣйшія размышленіи

мышленіи. Какъ! говорилъ онъ: такъ въ свѣтѣ семъ, ни какой истинны безъопасности сказать не можно! исполненъ несчастіемъ своимъ, и тысячею мыслей подаваемыхъ ему несправедливостію, коей онъ былъ жертвою, немедленно сталъ онъ сочинять письмо къ своему оправданію; и такъ удачно поступилъ, что дошло оно въ *Баркалонъ*: прочли письмо и онымъ всѣ тронулися; нашли оное столь краснорѣчиво, сильно, справедливо и смѣло, что рѣшили, либо сочинившему оное быть въ первѣйшихъ чинахъ, либо никогда не выходить изъ тюрмы; приняли послѣднее рѣшеніе, для того, что перваго учинить никакъ было не возможно съ чужестранцемъ, имѣвшимъ одно свое достоинство и одного друга такого, котораго не зналъ ни одинъ *Оя*, ниже послѣднѣйшая изъ женщинъ Королевиныхъ. Словомъ: опредѣлили позабыть *Кандида* въ тюрмѣ его, и дать ему волю писать столько писемъ, сколько ему угодно будетъ.

ГЛАВА XI.

Между тѣмъ *Тонглукъ* не позабывалъ друга своего; узналъ онъ несчастіе

его,

его и не осторожную откровенность, которая была оному причиною, и въ то время, какъ *Кандидъ* сочинялъ прекрасныя письма свои, столь худо награжденныя, *Тункинецъ* дѣйствовалъ полѣзнѣе его. Онъ имѣлъ отъ нѣкоторыхъ знатныхъ господъ письма, помощїю которыхъ нашелъ онъ хорошїя знакомства со многими; сїи знакомцы находили ему новыхъ прїятелей такъ, что изъ знакомства въ знакомство, достигъ онъ наконецъ до одной госпожи, которой при дворѣ ничего неотказывали и оную просилъ о заступленїи бѣднаго *Че-кїангца*. Лишъ подарилъ онъ ей маленькую постельную собачку, которую привезъ изъ *Тункина*, то *Акама* клялась *Саммонокодономъ*, что чужестранецъ будетъ освобожденъ. Она столь была при дворѣ сильна, что дѣйствительно по прозьбѣ ея освободили *Кандида*, хотя краснорѣчивое его письмо, освобожденїе сїе и труднымъ учинило.

Лишъ получивъ *Кандидъ* свободу, то *Тонглукъ* повелъ его къ его благодѣтельницѣ. *Акама* нашла *Че-кїангца*, заступленїя достойнаго и весьма откровеннаго; сказала ему: что ежели захочетъ онъ остаться при дворѣ

Луоп-

Луопском, то доставит она ему выгодные чины. Я Сударыня! вскричал *Кандидъ*: нет я с лишком люблю *истинну* к тому, чтоб остаться мне в такой земле, где с говорящими оную, так худо поступают, я бы много отважился, ежелиб захотел молчать; ибо я слышал, что тем здесь великое мученїе, кои говорят то, что не нравится. Действительно разсудили, что *Кандидъ* неспособен быть при дворе, с сим худым свойством и что надлежало ему поправится.

Как *Тонглукъ* и друг его были у *Акамы* после обеда, то женщины сели играть, как будто нечего было им между собою говорить; спросили у *Кандида*: хочет ли он выучить игру, которая недавно в *Сїаме* завелась? *Чекїангецъ* отвечал: что играет только в шашки и что одну сїю игру почитает забавною. В *Луопе* были с лишком учтивы, чтоб оставить чужестранца в скуке; но им стали скучать; сверх всего, *Кандидъ* увидел, что *Акама* подбирала карты, он сказал оное, а ему не поверили; он хотел доказать, что говорил правду, а ево не стали слушать. Наконец

наску-

наскучилъ онъ всѣмъ, а особливо не хотѣли ему упустить, что хулилъ онъ уборъ *Акамы* потому, что убрана она была не къ лицу, а другïе всѣ плѣнялись хорошимъ расположенïемъ ея волосъ. *Акама* стала бы раскаиваться, о оказанной *Че-кïангцу* услугѣ; но ласки ея собачки, приводили сïи мысли въ забвенïе. Какъ бы то не было, только *Кандидъ* потерялъ всю милость и увидѣлъ ясно, что должно таить наималѣйшïя *истинны* и не говорить, что думаешъ. Однакожъ сожалѣлъ онъ чрезмѣрно, что обеспокоилъ ту женщину, коей былъ онъ столь много одолженъ; онъ пролилъ бы за нее кровь свою, но никогда бы не сталъ ей льстить. Онъ просилъ *Тонглука* не о томъ, чтобъ его оправдать, но что бы увѣрить *Акаму*, что не простилъ бы онъ себя въ винѣ своей, естьлибъ учинилъ оную добровольно.

ГЛАВА XII.

Между тѣмъ молодый нашъ странникъ, сталъ желать, какимъ бы образомъ

зомъ оставить *Сіамъ*, гдѣ любовь его къ *истиннѣ*, столь худо успѣвала; онъ хотѣлъ склонить на оное *Тункинца*; но сей отговаривался отъ него, столь худыми отговорками, что *Кандидъ* сталъ думать, что есть оному другія причины. Сожалѣлъ онъ о сей скромности, дружбѣ столь оскорбительной, однакожъ непринуждалъ его къ изъясненію, для того, чтобъ не принудить его солгать, а вознамѣрился смотрѣть за нимъ столь пристально, что не скроетъ онъ то, что его въ *Луопѣ* задерживаетъ; случай помогъ намѣренію его.

Въ одинъ день *Тонглукъ* идучи содвора, уронилъ нечаянно письмецо и онаго непримѣтилъ, *Че-кіангецъ* его поднялъ, увидѣвъ на немъ почеркъ женскій, развернувъ онъ его въ надеждѣ найти въ немъ часть того, что другъ его, отъ него скрываетъ. Нашелъ въ немъ изъясненіе любви страстнѣйшей; а письмецо было подписано. *Зеласке*, коя описывала въ немъ люловь свою столь не скромно, что *Кандидъ* возъимѣлъ объ ней самыя худыя мысли; освѣдомился онъ, кто она такова? какоежъ было его удивленіе, какъ онъ услышалъ, что *Зеласке* привлекала

почте-

почтенїе цѣлаго города, пристальнымъ хожденїемъ въ *Пагоды*, въ коихъ провождала она большую часть дня, смиренїемъ своимъ, уединенною жизнїю, щедростїю своею къ монастырямъ *Талапоенскимъ*, отвращенїемъ къ убранству, къ позорищамъ и собранїямъ, строгою своею ревностїю къ цѣломудрїю, которая заставляла его злословить непощадно впадшихъ въ малѣйшую слабость. По описанїю сему, которое *Кандидъ* сравнивалъ съ тѣмъ письмецомъ, кое имѣлъ въ своемъ карманѣ, подумалъ онъ, что въ *Луопѣ* двѣ *Зеласки*; и онъ еще не зналъ, каковы набожныя женщины; когда узналъ онъ точно, что описанная ему столь набожною и цѣломудренною, была таже самая, которая и къ *Тонглуку* писала, то подумалъ съ простоты, что одно воображенїе, въ письмецѣ томъ потрудилось, и что съ стороны друга его, не для чего было ему опасаться слѣдствїй дѣла, съ начала столь недостойнымъ ему показавшагося. Однакожъ участїе, которое бралъ онъ въ поступкахъ *Тункинца*, понудило его узнать дѣло сїе короче. Онъ пошелъ къ *Зеласкѣ*, и велѣлъ ей сказать, что имѣетъ объявить

вить нѣчто важное. *Зеласке* была въ прелѣстномъ и покойномъ платьѣ, неозначающемъ нимало той строгости, которую ей общество приписывало; она приняла молодаго *Кандида* въ такомъ покоѣ, гдѣ роскошь *Азїатская* и набожная нѣга соединила все то, что может восхитить чувства. *Кандидъ* идущїй всегда къ самому дѣлу, думалъ, что для полученїя откровеннаго отвѣта, надлежало только спросить, и такъ спросилъ онъ у ней простодушно: ея ли то письмецо, которое онъ ей показывалъ? она посмотрѣла на него смѣло, подумала, не много, (сїе было дѣйствїе *Талисмана*,) и сказала на конецъ: что оно не ея. Сей отвѣтъ привелъ *Кандида* въ изумленїе; онъ сталъ утверждать, ему отвѣчали оскорбительно, на конецъ онъ огорчился видя такое лукавство, сказалъ оное словами весьма сильными; и промолвилъ: что хотя *Тонглукъ* оставилъ жену свою, однакожъ не долженъ былъ оставлять доброе поведенїе и что ужасно ему казалось, что въ почтительной наружности, скрывала она душу столь мало почтенїя достойную. *Зеласке* не любила откровенности, хотя притворялась быть

быть откровенною, для утвержденія злословія, возложеннаго на нее набожностію; *Зеласке* позвала своихъ людей, чтобъ выбросить *Кандида* изъ окошка. По счастію ушелъ онъ прежде, нежели они собрались и избѣжалъ чрезъ то, назначеннаго ему скачка.

ГЛАВА XIII.

Кандидъ все удивлялся о частыхъ несчастіяхъ, наносимыхъ ему откровенностію его; онъ начиналъ чувствовать, что люди столь испорчены во всемъ, что нѣтъ изъ нихъ ни одного который бы хотѣлъ, чтобъ знать внутренность его сердца, или бы сказывали, что чувствуютъ въ своемъ. Сіи отчаянныя размышленія отнимали у *Кандида* смѣлость къ покушенію на новые опыты. Въ прочемъ, мысли о лжѣ, утверждаемой *Зеласкою*, и ненависть къ сему пороку, увѣряли его, что женщина сія не могла быть достойна любви друга его и понуждала стараться о излѣченіи онаго.

Но

Но сей былъ не въ такомъ положенїи, чтобъ внимать доказательства его; онъ былъ у *Зеласки*, скоро послѣ выходу *Че-кїангца*; и узналъ отъ нее все случившееся, она описала *Кандида* такъ, что не могъ онъ ошибиться; и разсказанное сю приключенїе вперило ему такую ненависть, что не видалъ уже онъ въ *Кандидѣ* ни избавителя своего и ни друга, и лишъ только сталъ сей говорить ему о любви его, какъ не старался онъ говорить оное скромно и съ дружескою горячностью (правда не щадилъ онъ *Зеласку*), однакожъ *Тонглукъ* прервалъ рѣчь его; постой, вскричалъ онъ: я бы тебѣ простилъ тотъ подлый способъ, коимъ узналъ ты тайну мою; но не упущу тебѣ тѣхъ обидъ, кои учинилъ ты женщинѣ, достойной обожанїя цѣлаго свѣта, сабля сїя отмститъ тебѣ за поступки твои, и за ругательную откровенность, которой отъ тебя не требовали. *Кандидъ* слушалъ слова его съ тихою улыбкою; потомъ смотря на него жалостнымъ видомъ: *Тонглукъ*, говорилъ онъ ему: я вижу, что ты внѣ ума; и естьли возможно привесть тебя въ разсудокъ, то то скажу тебѣ только то, что рука

моя

моя на тебя никогда не вооружится, я не могу ни проливать тȣ кровь, за которую не щадалъ я своей, ни подать тебѣ случая раскаиваться о томъ, чтобъ пронзилъ ты грудь того, который былъ тебѣ нѣкогда другомъ. Естьли для сохраненїя дружбы нашей, надлежитъ почитать твои слабости и льстить заблужденїямъ твоимъ, то я отъ сего отказываюсь, можетъ быть нѣкогда узнаешъ ты, сколь полезны слова истиннаго друга; однакожъ желаю, чтобъ не случилось тебѣ жалѣть о томъ, что онымъ не внималъ прощай. Желаю, чтобъ твоя *Зеласке* возмогла нѣкогда занять мѣсто, друга истиннаго. По сихъ словахъ *Кандидъ* оставилъ *Тонглука*, коему тысяча противныхъ чувствованїй препятствовали его удерживать, и онъ пошелъ искать другова жилища, въ точномъ намѣренїи выѣхать на другой день изъ *Луопо*.

ГЛАВА XIV.

На другой день выѣхалъ онъ дѣйствительно, не зная куда обратить

путь

путь свой; долго заблуждался онъ въ пространныхъ поляхъ, раздѣляющихъ владѣнїе *Сїамское* съ стороны *Пегу*; погружался по обыкновенїю своему въ печальнѣйшїя размышленїи, онъ понималъ, что *Короли*, *Министры*, *женщины* и *писатели*, равнымъ *ядомъ лести* упоенные, могутъ ненавидѣть откровенный и вольный гласъ *истинны*; но сего не могъ онъ себѣ вообразить, что сказавъ истинну другу своему, сдѣлался онъ непремиримымъ врагомъ. Сердечно онъ терзался, видя себя всегда ненавидима, изгоняема, подверженна множеству различныхъ опасностей, не имѣвъ никакого порока, кромѣ самой справедливости. *Чистосерда*, *Чистосерда*, восклицалъ онъ: иногда съ лишкомъ ты хорошо о людяхъ думала, когда почитала возвратъ мой въ *Че-кїангъ* возможнымъ, съ договорами, предписанными мнѣ судьбиною.

Между тѣмъ *Кандидъ* идучи все на случай, въ нѣсколько дней пришелъ къ предѣламъ царства *Araканскаго*; онъ пришелъ въ государство *Пегу*, безъ всякаго приключенїя, не покушаясь ни съ кѣмъ говорить, чтобъ не впасть въ какое несчастїе.

Прошедъ

Прошедъ песчаную степь, пришелъ онъ въ одно большое село, не далеко отъ *Аракана* лежащее, и пришелъ въ оное, точно во время солнечнаго затмѣнія; всѣ жители села того, по обыкновенію своему, оплакивая погибель дневнаго свѣтила, кое почитали они, можетъ быть поглощено, какимъ нибудь чудовищемъ; всѣ были они въ печальномъ одѣяніи, при стопахъ истукана, имѣющаго ростъ исполина и видъ ужасный, прося его о возвращеніи свѣта. Привязанной къ столбу *старикъ* неподалеку отъ *Колосса*, казался быть назначенъ оному на жертву; *Кандидъ* не примѣченъ будучи жителями, подошелъ къ *старику*, и по одеждѣ признавъ его за *Китайца*, спросилъ онъ о странномъ семъ мольбищѣ. *Китаецъ* увѣдомилъ его, что народъ сей имѣетъ обыкновеніе останавлять въ жилищѣ своемъ во весь годъ всѣхъ чужестранцовъ, чрезъ оное проходящихъ, и удерживать послѣдняго, для жертвованія истукану сему, послѣ солнечнаго затмѣнія; *Кандидъ* ужаснувшись обыкновенію, столь звѣрскому, подумалъ съ проста, что для прекращенія онаго, надлежало только научить сихъ дикихъ и привесть

ихъ на истинной путь, онъ еще дивился, что по сіе время ихъ не просвѣтили. Ревность къ *истиннѣ* и человѣчество, побуждающее его спасти одноземца своего, отъ угрожаемой ему погибели, принудили его говорить съ сими варварами. Онъ сталъ имъ проповѣдывать, что одно только существо, превышающее все, невидимое бренному оку смертныхъ и бытіемъ своимъ уму ихъ непостижимое, существо, держащее весь міръ въ десницѣ своей и всѣ онаго движенія учреждающее; существо, простирающее благость свою во всей землѣ, и пріемлющее благопріятнѣйшею жертвою благодѣяніе, которое есть даръ на него походящій; потомъ изъяснилъ онъ имъ, что непоколебимыми законами естества предписано, чтобъ въ учрежденные времена, дневное свѣтило и ночная лампада затмѣвались, прохожденіемъ другова тѣла, свѣтъ ихъ помрачающаго. Однимъ словомъ: рѣчь его составлена была изъ *Богословіи*, *Нравоученія* и *Физики*, и доказывала народамъ симъ, что они лишась разсудка, вздумали обожать истукана, столь ужаснаго, почитать солнце, поглощенное какимъ нибудь чудовищемъ и считать

тать богоугоднымъ, столь звѣрское жертвоприношенїе; но конечно *Кандидъ* позабылъ, что *Варвары* сїи не могли разумѣть его языка. Они скоро ему оное напомнили. Оставили они набожное свое упражненїе, отвязали *Китайскаго старика* и привязали на мѣсто его *Кандида*.

ГЛАВА XV.

Онъ бы конечно лучше здѣлалъ, естьлибъ шелъ путемъ своимъ; сїе бы онъ легко учинить могъ въ то время, какъ *идолопоклонники* въ глубокомъ изумленїи невидали, что во кругъ ихъ происходило: но ничто не можетъ удержать того, кто намѣренъ говорить *истинну*, которую онъ полезною считаетъ. Между тѣмъ *старикъ* пошелъ, опорочивая неразумїе молодаго путешественника, но весьма доволенъ, что онымъ спасъ жизнь свою. Къ избавленїю *Кандида* отъ смерти надлежало какое нибудь чудо. Случай оное здѣлалъ, а можетъ быть *Чистосерда*, обѣщавшая сохранять жизнь *Че-кїанг*-

ца, въ оное вмѣшалась. Въ ту минуту, какъ затмѣнїе уменшаясь, означало часъ смерти его, мрачность, превосходящая темноту затмѣнїя; покрыла внезапно горизонтъ съ одного конца до другаго; дождь и градъ угрожали мѣстамъ симъ потопленїемъ; частыя молнїи раздирали облака, ужасной громъ повсемѣстно раздавался и стрѣла упадши на идола, раздробила оный въ прахъ. Жители того мѣста подумали, что божество сильнѣйшее того, коему они молились, защищало путешествующаго, и убоялись страшнаго его мщенїя, естьли неотпустятъ жертву суевѣрїя своего. И такъ разрываютъ они веревки, коими былъ онъ связанъ, и ведутъ его съ почтенїемъ въ хижину къ главному того села жителю, тамъ предлагаютъ ему всѣ прохлажденїя, сколько можетъ имѣть народъ грубый, они были ему весьма нужны къ возстановленїю силъ потерянныхъ, сколько путешествїемъ, а еще болѣ зрѣнїемъ смерти, уже предъ глазами его стоявшей. Потомъ далъ онъ знать, что ему нуженъ покой; его оставили и онъ съ прїятностїю уснулъ.

На другой день *Че-кїангецъ* оставилъ *палецу* не удерживаемъ жителями, кои онаго учинить несмѣли, и не медленно пришедши въ *Араканъ*, сѣлъ въономъ на судно, въ *Бальзору* отъѣзжающее.

Мореплаванїе было долговремянно и опасно, въ пути *Кандидъ* отъ всѣхъ удалился, говорилъ мало, читалъ и размышлялъ много. Въ одинъ день два матроза украли нѣчто изъ капитанской каюты; *Че-кїангецъ* нечаянно примѣтилъ оное съ прочими путешественниками. Когда стали спрашивать воровъ въ кражѣ, то они въ оной неповинились. Капитанъ, подозрѣвающїй ихъ, хотѣлъ ихъ уличить, старался узнать, что нибудь отъ ѣдущихъ: всѣ даже и тѣ, кои видѣли покражу, сказали что не видали; но откровенный *Киндидъ* говорилъ иначе, на вопросы учиненные ему отъ Капитана, расказалъ онъ всѣ подробности дѣла того, такъ, что въ ономъ не можно уже и сумнѣваться было. Онъ сожалѣлъ, что принужденъ былъ ихъ обвинить, но *истинну* почиталъ онъ болѣе всего.

Воры получили жестокое наказанїе, а хотя неслыхали они словъ *Китайца*,

тайца; но догадывались, что его свидѣтельство оному причиною было и клялись ему отмстить, какъ скоро возможно будетъ. Прочіе матрозы вошли охотно въ заговоръ сей, и въ одну ночь, какъ всѣ спали, выключая тѣхъ, кои были въ заговорѣ, то два матроза входятъ въ комнату, берутъ *Кандида*, грозятъ ему смертію, за малѣйшїй шумъ, отвозятъ его въ лодкѣ на близь лежащїй берегъ, и оставляютъ его тамо судьбѣ.

ГЛАВА XVI

Кандидъ брошенъ былъ на берегъ *Іеменской*, будучи безъ всякой помощи и защищенія, находился онъ въ великомъ страхѣ. Не знавъ о мѣстѣ пребыванія своего, подверженъ онъ былъ всѣмъ опасностямъ; малѣйшїй шумъ, казался ему, происходящїй отъ какого нибудь дикаго звѣря, терзать его идущаго. На конецъ день насталъ, и избавилъ его отъ части безпокойствъ, показавъ ему за песками, на коихъ былъ онъ оставленъ, богатѣйшее жилище и удоб-

удобренныя поля. Тамъ казалось, что весна и осень соединенными силами одаряютъ землю плодами и цвѣтами; чистые и быстрые ручьи, составляли множество протоковъ, кои частымъ соединенiемъ разсѣкая поле, по всюды производили прохладность и плодородiе; прелестный кустарникъ, призывающiй къ покою, утомленнаго путешественника, насажденъ побрегамъ протоковъ сихъ, и наполнялъ воздухъ различнымъ благовонiемъ, происходящимъ отъ множества благоуханныхъ деревьевъ; желтѣющеюся жатвою покрытыя поля, являли прельщенному зрѣнiю дары, благодарной земли, коими платитъ она труды, дѣлателей своихъ; легкiй вѣтеръ колебалъ прохладно цвѣты и листья, сгибалъ позлащенные классы, не повреждая ихъ и ежеминутно перемѣнялъ избраннѣйшую *картину* естества.

Кандидъ радуясь, зря себя въ столь прекрасной странѣ, увидѣлъ, что несчастiе всегда къ чему нибудь полезно; однакожъ вздыхалъ онъ о *Че-кiангѣ*, ибо справедливо говорятъ, что никакая земля, съ тою сравняться не можетъ, гдѣ рожденiе кто получилъ.

Какъ бы сïе древнее опредѣленïе ни почиталось, но *Кандидъ* любилъ *Че-кïангъ* не для того, что тамъ родился; но для того, что тамъ любили и употребляли добродѣтель, и что можно тамъ говорить правду, не подвергая себя опасности, быть *отраплену, ненапидиму, биту, пыгнану, посажену пъ тюрьму, пыброшену изъ окошка, или остаплену одному на не знакомомъ берегу.*

Между тѣмъ *Кандидъ* шелъ по долинѣ, и чемъ далѣе по ней шелъ, тѣмъ болѣе оною прельщался. Во множествѣ домовъ, выстроенныхъ на брегахъ сихъ протоковъ, счастливыя поля сïи, орошающихъ, *Кандидъ* примѣтилъ одинъ домъ, отъ прочихъ нѣсколько отдаленный; кромѣ того, что казался оный нѣсколько болѣе и лучше убранъ противъ прочихъ имѣлъ онъ еще при концѣ сада, оный украшающаго, не большой храмъ, построенный изъ бѣлаго мрамора, простою архитектурою.

Кандидъ приближаясь къ дому сему, увидѣлъ подъ пальмами, защищающими входъ онаго, отъ солнечнаго зноя, *старца*, коего сѣдые волосы и спокойный видъ, внушали вдругъ и почтенïе и довѣренность. Всякъ знаетъ, сколь мно-

го

го въ *Китаѣ* старость почитаютъ; да и ничего нѣтъ столь почтенія достойнаго, для чувствительныхъ душъ, какъ старецъ, коего черты лѣтами не обезображены, который не стенаетъ отъ тяжкихъ болѣзней, старостію производимыхъ, и коего морщинами покрытое чело, изображаетъ добродѣтель; *Кандидъ*, который въ прочемъ, и во всѣхъ нужду имѣлъ, почувствовалъ къ *старцу* сему великую склонность, и бросился къ ногамъ его, съ живостію лѣтъ своихъ и сердца, взялъ онъ его руку, которую сжималъ многократно, омывая слезами. Незнакомецъ, чувствовалъ такъ же къ *Че-кіангцу* такую склонность, которую онъ описать не могъ и которая заставляла почитать его своимъ сыномъ. Онъ поднялъ его чувствуя въ себѣ нѣкое движеніе и обнявъ его, увидѣлъ по одеждѣ, что онъ *Китаецъ*, спросилъ, какимъ страннымъ случаемъ, зашелъ онъ въ страну, столь мало извѣстную?

Кандидъ расказалъ ему всѣ свои несчастія и опасности, коимъ онъ откровенностію своею подвергаемъ былъ; но умолчалъ онъ и о пророчествѣ защитницы своей; и окончавъ сказалъ

старцу: что естьлибъ кромѣ *Че-кїанга* находилась другая земля въ свѣтѣ, и въ которой бы *истинна* не изгнана была, то конечно назначилъ бы онъ убѣжищемъ своимъ ту, въ которую привелъ его нечаянный сей случай. Ахъ! сынъ мой, сказалъ ему сей честный *старецъ* вздохнувши, и здѣсь такъ же, какъ и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ ты былъ, *лесть* окружаетъ престолъ и жилища вельможъ, строгая *истинна* не смѣетъ тутъ являться, или не является безъ наказанїя: естьлибъ Государи, какъ бы велики они добродѣтельми своими ни были; естьлибъ могли они внимать безъ гнѣва и безъ огорченїя, откровенному гласу гражданина, любящаго ихъ славу и человѣчество, то бы *Алзалегъ*, коего видишь ты, приведеннаго жить въ уединенїи, былъ еще *Визиремъ*, короля *Iеменскаго*. Ты удивляешся, продолжалъ *старецъ*, но выслушай, довѣренность моя должна твоей соотвѣтствовать; ты увидишъ, какою бездѣлицею можно потерять милость, земныхъ владыкъ и привесть въ забвенїе всѣ услуги, вѣрнаго и ревностнаго подданнаго.

Глава

ГЛАВА XVII.

Царство *Іеменское*, продолжалЪ *Алзалегъ*: наслаждается тому уже 46 лѢтЪ, великою тишиною, подЪ державою великодушнаго *Нургегана*, скоро и право отправляемый судЪ, казна вЪ хорошемЪ состояніи, богатый торгЪ на брегахЪ *Сагара* и *Адема*, ободряемое земледѢліе внутри государства, многочисленное и выученное войско вЪ готовности итти по первому приказу, на возмутителей общаго покоя; покровительство ко всѢмЪ художествамЪ, все сіе способствовало кЪ счастливому и цвѢтущему состоянію *Имперіи*. Обожаемъ своими подданными, страшенЪ непріятелямЪ государства, почитаемЪ всѢми своими сосѢдями, *Нургеганъ* пользовался уже нѢсколько лѢтЪ славою, великаго и добраго Государя.

Величайшее его увеселеніе состояло вЪ охотѢ, а особливо вЪ ловлѢ звѢрей дикихЪ и страшныхЪ, полезной для того, что оная поощряла его храбрость и истребляла враговЪ, вредящихЪ стадамЪ подданныхЪ его. Часто оставлялЪ

онъ *Муабской* дворецъ, пріѣзжая въ горы *Масфайскія* сражаться съ барсами и львами. Я жилъ тогда въ сихъ дикихъ мѣстахъ и былъ простый пастухъ; я уже былъ 25 лѣтъ, и доброе воспитаніе, учинило меня сильнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ томъ мѣстѣ. Въ одинъ день, Король будучи на охотѣ, отсталъ отъ придворныхъ своихъ, гнавшись съ великою горячностію за медвѣдемъ; бѣжавшимъ точно на то мѣсто, гдѣ пасъ я стадо свое, узря его, сражающагося съ чудовищемъ. Я не видывалъ никогда *Нургегана*, и какъ платье не отличало его отъ прочихъ его *Емировъ*, то прибѣжалъ я къ нему на помощъ, не знавъ, что онъ мой Государь. Я имѣлъ счастіе пронзить звѣря коломъ, который былъ у меня въ рукахъ, въ то время, какъ Государь утомясь, терялъ уже силы свои, а врагъ его, исполненный яростію, ободрялся слабостію его.

Нургеганъ засвидѣтельствовалъ мнѣ всю ту благодарность, какую подобная его душѣ чувствовать можетъ; онъ былъ доволенъ моими отвѣтами, и побуждаемъ обо мнѣ хорошими мыслями, спросилъ онъ у меня: не помышлялъ ли

я когда явиться ко двору и искать тамъ службы, качествамъ моимъ приличной? И! что мнѣ при дворѣ дѣлать, отвѣчалъ я ему: я не чувствую ни корыстолюбія, ни тщеславія; удобряемое мною не большое поле и стадо мое, помогаютъ мнѣ во всѣхъ нуждахъ моихъ, Король, какъ ни великъ, какъ ни силенъ, но къ счастію моему ничего прибавить не въ состояніи. Я почитаю оное въ житіи тихомъ, въ дѣланіи столько добра, сколько возможно, въ утѣшеніи послѣднихъ дней отца моего, а все сіе, я здѣсь имѣю. Но естьлибъ ты пошелъ въ *Муабъ*, отвѣчалъ Король: примѣтивъ, что я его незналъ, можетъ быть Государь, коего милость извѣстна . . . Извѣстна! прервалъ я, она и въ стѣпяхъ нашихъ, развѣ мы незнаемъ, что ему, и любви его къ народу своему, одолжены мы покоемъ и блаженствомъ жизни нашей. Развѣ Король не отецъ, не другъ, не благодѣтель подданныхъ своихъ? Да и никогда солнце не всходитъ изъ загоръ и не садится за лѣса наши безъ того, чтобъ мы не просили Бога, дабы продолжилъ онъ лѣты *Нургеганопы* и даровалъ наслѣдниковъ, подобныхъ ему. Естьлибъ ты зналъ, какими тревожится

всякъ безпокойствами, когда принужденъ онъ бываетъ вооружаться на степныхъ Арановъ и подвергать опасностямъ дни свои, въ поляхъ побѣдоносныхъ? И какъ по возвращеніи отъ завоеванныхъ имъ мѣстъ, отягощенъ онъ былъ болѣзнію, все государство безпокоющею, когда смертоносный Ангелъ, простерши надъ нимъ темныя крылья свои, угрожалъ пресѣченіемъ жизни его, то для чего думаешъ ты избавился онъ смертельнаго сего удара? для того, что не было ни одного изъ его подданныхъ, который бы неотдавалъ Богу жизни своей для соблюденія жизни обожаемаго сего Государя . . . Я говорилъ съ восторгомъ, видѣлъ Государя въ умиленіе пришедшаго (никогда не былъ онъ столь увѣренъ, что слышитъ нельстивыя похвалы) и сказавшаго мнѣ съ пролитіемъ нѣсколькихъ слезъ, кои онъ скрыть старался: прощай честный человѣкъ; ты съ лишкомъ любишъ Государя своего, чтобъ дружбою его не пользоваться; можетъ быть въ скоромъ времяни ты отъ него что нибудь услышишь. Окончавъ сіи слова, обнялъ онъ меня и поѣхалъ по дорогѣ, выходящей изъ горъ нашихъ.

Глава

ГЛАВА XIII.

На другой день весьма я удивился, получа отъ двора повелѣнїе, явиться къ престолу, но онымъ не безпокоился: сердце мое не укоряло меня ни въ чемъ, а постоянность *Нургеганова*, не допускала меня опасаться, какой нибудь несправедливости. И такъ поручилъ я стадо свое одному пастуху, изъ прїятелей моихъ, простился съ отцемъ моимъ и поѣхалъ въ *Муабъ* съ Офицеромъ, присланнымъ съ королевскимъ повелѣнїемъ.

Введенъ будучи во дворецъ и поверженъ къ стопамъ *Нургегана*, ожидалъ я въ молчанїи изъясненїя его. Государь велѣлъ мнѣ встать, и сказалъ симъ милостивымъ видомъ, провождающимъ малѣйшїя его движенїя: *Пастухъ*! я тотъ, коего спасъ ты жизнь, вчерашняго дня; естьлибъ ты былъ человѣкъ обыкновенный, и ежелибъ надлежало мнѣ одну благодарность удовольствовать, то бы богатствомъ моимъ и дружбою, расплатился я съ тобою; но возвышенїе души твоей, благородность

и

и тишина мыслей твоихъ, презрѣніе, оказываемое тобою къ знатности и богатству, понудили меня считать тебя достойнымъ повелѣвать людьми: будь моимъ *Визиремъ*, споспѣшествуй блаженству подданныхъ моихъ, Государь твой не можетъ тебѣ, лучше засвидѣтельствовать благодарности и почтенія своего, какъ ввѣреніемъ тебѣ, столь драгоцѣнныхъ трудовъ.

Въ той землѣ, гдѣ мгновеніемъ ока, Государь возвышаетъ человѣка на первыя степени знатности и повергаетъ его, когда захочетъ, въ глубочайше уничтоженіе; столь скорый выборъ не можетъ быть удивителенъ, однакожъ я онаго понять не могъ для того, что желанія мои никогда не заблуждались далѣе состоянія моего, и что почитаютъ невозможнымъ, имѣть то, чего кто никогда не желаетъ,

Отвѣтъ мой былъ почтительный отказъ, причиною коего былъ сколько страхъ, исполнить худо столь важныя должности, столько и желаніе, провождать жизнь пріятную и спокойную, въ коей находилъ я до сихъ поръ счастіе свое. *Нургеганъ* сталъ меня просить, а я чувствуя болѣе его ко мнѣ довѣренности,

ности, нежели ласкаясь первѣйшимъ чиномъ въ Государствѣ, на конецъ ему повиновался.

Занявъ чинъ, въ которомъ столь много добра и зла здѣлать можно, старался я угодить Государю своему, заслужа любовь народа его; никогда не различалъ я выгоды ихъ отъ Государевыхъ; вмѣсто законовъ не поставлялъ мыслей своихъ; а помышлялъ всегда, что дозволено иногда уменьшать строгость оныхъ. Злодѣи видѣли меня всегда неупросима, а добрые люди твердаго помощника; человѣчество, позволенїе закона и тихость, почиталъ я за первыя должности; нѣжный покой сераля, въ коемъ во всѣ увеселенїя впасть можно, почиталъ я за неизвинимый порокъ въ человѣкѣ, обремѣненномъ старанїемъ о всенародномъ блаженствѣ; однимъ словомъ: я старался, сколько можно, быть подпорою законамъ и правамъ, и всегда думалъ, что мало стараюсь.

Получилъ я награжденїе довлѣющее трудовъ моихъ; одно награжденїе, достойное чистой и добродѣтельной души, почтенїе Государя моего и любовь народа. Есть въ *Іеменѣ* установленїе, позволяющее каждой годъ, въ назначенный

ченный день, подавать всѣмъ жалобы на министровъ; хотя страхъ полномочія, или надежда милости, уничтожаетъ многія; однакожъ нѣсколько оныхъ доходятъ въ уши Государю. Во все время моего правленія, противъ меня не было ни одной жалобы, а ежели и бывали нѣкоторыя, отъ тайныхъ моихъ непріятелей, то легко могъ я ихъ уличить въ неправдѣ.

ГЛАВА XIX.

Можетъ быть, продолжалъ добрый *Алзалегъ*: можетъ быть кажется тебѣ сынъ мой! что долго я о себѣ говорю; но нѣтъ никакой гордости сказывать, что дѣлалъ я то, что должно было дѣлать; я впадалъ и въ погрѣшности, конечно, какой человѣкъ онымъ не подверженъ? Но оныя были неумышленны, и прошу небо, чтобъ онѣ на одного меня упадали! придворные завидуя мнѣ, воспользовались ими искусно; стараясь ихъ извинить, казалось, что объявляютъ они ихъ не умышленно и такимъ образомъ привлекали къ себѣ довѣренность,

ность, коей были недостойны, и потомъ оную противъ меня употребляли.

Нургеганъ любилъ меня, его ко мнѣ почтенїе долго препятствовало намѣренїямъ, подать на меня подозрѣнїе; но наконецъ множество тайныхъ наговоровъ, сказанныхъ подъ видомъ государственнаго блага, возмогли уменшить его ко мнѣ довѣренность: отъ коей до совершенной немилости путь не дологъ. Совершившая погибель мою, была истинна столь откровенная, что никто не осмѣливаясь оную сказать, я объявилъ ее для того, что должно было оное сдѣлать, для счастїя и правосудїя государственнаго и мнѣ оную никакъ не простили. Полководецъ *Бостамъ* проигралъ не давно великое сраженїе; его считали виновнымъ; я сталъ его защищать для того, что онъ былъ мой другъ, и что опредѣленъ былъ жертвою тому несчастїю, коему не былъ причиною и оправдалъ я его мужество и вѣрность. *Нургеганъ* осудилъ его въ ссылку; меня обвинили въ томъ, что оскорбляю я Величество, защищая такого человѣка, котораго самъ Государь осудилъ. Король, прогнѣвавшись на твер-

твердость мою, легко принялЪ обвинение сие, и опредѣление скоро было мнѣ учинено; оно осуждало меня дѣлить ссылку сЪ *Бостамомъ*.

Мы выбрали вмѣстѣ убѣжище сие, и я пришелЪ вЪ оное, сЪ одною изЪ женЪ моихЪ. ВЪ уединении своемЪ оплакивалЪ я лишение дружбы Государя, о коемЪ я сожалѣлЪ и почиталЪ котораго, но о чинахЪ, на кои возвышенЪ я былЪ ево рукою, противЪ воли моей, сожалѣлЪ я только для того, что потерявЪ ихЪ, лишился я удовольствія, способствовать блаженству человѣчества. *Бостамъ* чувствовалЪ болѣе падение свое: ни дружескія утѣшенія, ни пріятности жизни тихой и спокойной, не могли заступить мѣста, занятаго остатками честолюбія; объятЪ печалію, отягощенЪ скукою, вЪ концѣ перваго года умерЪ онЪ, вЪ объятіяхЪ моихЪ, сожалѣя о чинѣ, сЪ коего онЪ нипалЪ.

Лишение друга сего, было мнѣ чувствительнѣе потерянія чиновЪ моихЪ; но нѣжность *Надины*, которая одна согласилась дѣлить со мною уединение мое, и ласки *дочери* моей уменшали печаль мою. ТакимЪ образомЪ провож-

далЪ

далъ я двадцать лѣтъ жизнь пріятную и тихую; упражненія, служившія къ нашему пропитанію и воспитанію *Фатьмы*, обѣщающей заплатить нѣкогда отцу своему старанія, употребленныя на устроеніе ея души и одобреніе разума ея, оставляли во дняхъ моихъ нѣсколько минутъ, кои употреблялъ я къ наукамъ, къ разсматриванію естества и начальника онаго. Шесть мѣсяцовъ тому, какъ *Надина* оставила свѣтъ сей и пошла къ Творцу міра, получить отъ него награжденіе тѣхъ добродѣтелей, въ коихъ находилъ я свое счастіе; а дочь ея, непоколебимый примѣръ, послѣднѣе сіе лишеніе, учинило бы мнѣ жизнь несносною, естьли бы не почиталъ я оную, священнымъ залогомъ, который должно мнѣ хранить, до совершенія *Фатьминой* судьбины.

ГЛАВА XX.

Такая жертва *истинны*, казалась *Кандиду* предмѣтомъ, весьма жалостнымъ: и лишъ только *Алзалегъ* окончилъ

чилъ повѣсть свою, то *Че-кїангецъ*, слушавшїй оную съ умиленїемъ, бросился въ объятїя его, вскричавши: ахъ! отецъ мой, сколь легко позабываю я несчастїя свои, слыша, сколь много тебѣ *истинна* стоила! но естьлибъ чувствительность моя, могла уменьшить труды уединенїя твоего, естьлибъ привязанность молодаго человѣка, любящаго добродѣтель и *истинну*, могла утѣшать послѣднїя дни твои, сколь много благодарилъ бы-я Небо, приведшее меня въ землю сїю. Ну! сказалъ *Алзалегъ*: такъ останься жить со мною, къ утѣшенїю старости моей; будь мнѣ вмѣсто сына, коего я отъ Бога не получилъ; и естьли не можешъ никогда возвратиться въ свое отечество, то желаю сердечно, чтобъ нашедши здѣсь оное, природное свое ты позабылъ? *Кандидъ* отвѣчалъ на желанїе свое однимъ вздохомъ; ибо *Че-кїангъ*, *Цумкчу* и *Ксум-цїе* не могли выйти изъ мыслей его.

Въ то время, какъ *Алзалегъ* и *Кандидъ* такимъ образомъ разговаривали, и сердца ихъ вольныя и откровенныя, начинали совершать союзы неразрушимой дружбы, солнце достигло уже высочайшей

шей степени, пути своего; *Алзалегъ* увидѣвъ оное, сказалъ *Кандиду*: пойдемъ, сей часъ увѣдомляетъ меня, о пришествіи *Фатьмы*; она тотчасъ возвратится съ поля, въ которое гоняетъ она небольшее стадо, отъ старанія ея умножающееся; она изготовитъ намъ деревенскій, не пышный, но вкусный обѣдъ.

Лишъ вошли они въ небольшую комнату, коей весь уборъ состоялъ въ чистотѣ, и свѣжій воздухъ простиралъ въ оной прохладность, то дочь *Алзалегова* пришла, обняла отца своего и скромно поклонилась *Кандиду*. *Алзалегъ* сказалъ *Фатьмѣ* нѣчто такое, чего *Че-кіангецъ* не понималъ; но онъ примѣтилъ, что говорится о немъ, потому, что при всякомъ словѣ *Алзалега*, дочь его, смотрѣла пристально на *Кандида*, а онъ такъ же осматривалъ *Фатьму*; она не была красавицею; но на лицѣ ея изображались откровенность и чистосердечіе; нѣжная чувствительность примѣтна была во взглядахъ ея и прелести добродѣтели, являющіяся во всѣхъ поступкахъ ея; приводили въ забвеніе, что природа ей нѣчто пощадила. Въ прочемъ въ движеніяхъ

женїяхъ своихъ имѣла она сїи нѣжныя прїятности, кои предпочитаются красотѣ и продолжаются болѣе оной, *Кандидъ* почиталъ ее гораздо лучше той *Акамы*, которая освободила его изъ заключенїя и *Зеласки*, хотѣвшей выбросить его изъ окошка.

ГЛАВА XXI.

Въ первый день, провожденный *Кандидомъ* съ *Алзалегомъ* и *Фатьмою*, все происходило у нихъ тихо, труды положены были общїе; но *Кандидъ*, будучи молодъ и здоровъ, взялъ на себя тягчайшїе, а *Фатьма* старанїями и угожденїями своими, оные уменшала; одно его беспокойло то, что не могъ онъ говорить съ дочерью *Алзалега*, и что она словъ его не разумѣла; *старикъ* служилъ имъ толмачемъ; сїе *Кандида* не тревожило; другъ добродѣтели и истинны, не говорить цѣломудренной дѣвицѣ ничего такого, чегобъ отецъ ея не могъ слышать, даже и тогда, когда онъ ее любитъ; однакожъ онъ желалъ бы не имѣть толмача,

есть

есть вещи, кои при отцѣ сказать можно, но не можно велѣть сказать оныя отцу, и *Кандидъ* такія вещи хотѣлъ говорить *Фатьмѣ*, хотя и не была она прекрасна но для того, что примѣтилъ онъ въ ней достоинства, коимъ не могъ онъ противиться.

Молодый *Кандидъ* предложилъ *Алзалегу*, учить *Фатьму Че-кіангскому* языку: добрый старикъ на оное согласился, и поелику языкъ сей мало разнствовалъ отъ *Китайскаго*, то надѣялся онъ, что *Фатьма* скоро его выучитъ.

Дѣйствительно успѣхи ея въ ономъ были почти столь же быстры, какъ и въ любви, не чувствительно сердцами ихъ овладѣвшей; и въ короткое время *Фатьма* познала столько языкъ сей, что разумѣла не знакомыя слова̀, когда толковали ей ихъ тѣми, кои уже она знала.

Фатьма, сказалъ ей однажды *Кандидъ*: любезная *Фатьма*! суть слова̀, которыя говорятъ ежедневно особамъ вашего пола и которыя еще въ урокахъ нашихъ, никогда не бывали; я не училъ тебя словамъ красоты, заразъ и прелестей для того, что природа тебя не одарила сими суетными дарованіями,

которыя со временемъ изчезаютъ, и владѣнїемъ коихъ пренебрегаютъ душевныя дарованїя, гораздо драгоцѣннѣе сихъ. Нѣтъ, не стану я тебѣ оныхъ упоминать; но всегда буду употреблять слова, добродѣтели, прїятностей, тихости и благодѣянїя, для того, что *Фатьма* все оное имѣетъ. *Кандидъ* говорилъ съ торопливостїю; дочь *Алзалега* отвѣчала ему улыбнувшись: я сожалѣю, что я не хороша, но ни мало несержусь, что ты мнѣ оное сказываешь, для того, что ето правда; почтенїе твое меня утѣшаетъ и оное доказывается сею откровенностїю . . . Мое почтенїе, ахъ! скажи лучше любовь моя: я божился, чтобъ не любишь нигдѣ кромѣ *Че-кїанга*; но ты имѣешъ вѣ добродѣтели *Че-кїангскїе*. Говоря сїе *Кандидъ*, цѣловалъ съ нѣжностїю *Фатьмины* руки, повторялъ, ей, что ее любитъ, и вѣчно обожать будетъ. *Фатьма* слушала слова *Кандидовы*, принимала ласки его съ искреннею радостїю, съ прїятною чувствительностїю и достойною дѣтской откровенности. Она хотѣла отвѣтствовать ему такими же словами и глаза ея, уже отвѣтъ сей здѣлали, какъ вдругъ блескъ, сильняе дневнаго

дневнаго свѣта, озарилъ тотъ вкусъ, въ которомъ они сидѣли; пріятнѣйшій всѣхъ *Азіатскихъ* благоуханій духъ, простерся окрестъ двухъ любовниковъ и они увидѣли близь себя женщину, которую по откровенному и простодушному виду, признали они за *Чистосерду*. Дѣти мои! сказала она имъ: вы видите во мнѣ волшебницу, при рожденіи *Кандида* бывшую, и судьбину его изрекшую; онъ исполнилъ тотъ договоръ, отъ котораго зависило его благоденствіе и исполнилъ его труднѣйшимъ образомъ; ибо можно сказать иногда безъ опасности и справедливо *Знатному*, что онъ не правъ; *Писателю*, что издалъ онъ худое *сочиненіе*; *Бонзу*, что онъ *безполезенъ*; *Лѣкарю*, что онъ ничего *не смыслитъ*; *Мандарину*, что долженъ онъ быть *благосклоненъ* и *добродѣтеленъ*; но не можно сказать *женщинѣ*, что она *не хороша* безъ того, чтобъ съ нею не поссориться. Ступайте; продолжала волшебн ца: возвратитесь въ *Че-кіангъ*, добрый *Алзалегъ* пускай поѣдетъ съ вами, онъ и дочь его достойны жить въ ономъ. *Цумъ-кчу* и *Ксумъ-ціе* ждутъ сына своего и дочь съ нетерпеливостію: ступайте,

пайте, счастїе не поколебимое ждетъ васъ въ прекрасной сей странѣ, можно ручаться, что согласїе ваше пребудетъ не разрывно, для того, что можете вы безъ огорченїя слышать *истинны* другъ отъ друга: мало на свѣтѣ сожителей, такїе нравы имѣющихъ.

Читатель не повѣритъ, что въ мгновенїе ока, *Чистосерда* перенесла *Алзалега*, *Кандида* и *Фатьму* въ *Чекїангъ*, что оба любовники сїи совершили тамъ нѣжнѣйшїй союзъ, что достигли счастливой старости и увидѣли сами себя оживщихъ въ дѣтяхъ своихъ, добродѣтелями имъ подобныхъ. *Кандидъ* былъ бы весьма достоинъ сожалѣнїя, естьлибъ не нашелъ такой дѣвицы, которой отецъ ея, несчастїемъ наученный, внушилъ почитать *добродѣтель и истинну* болѣе всего; но подобное сему счастїе случается однажды во 100 вѣковъ. Послѣ *Кандида* ниодинъ ужє *Че-кїангецъ*, не имѣлъ такихъ опытовъ и не было другой *Фатьмы* на свѣтѣ.

КОНЕЦЪ.

Нижеслѣдующїе любители Россїйскихъ книгъ изъявили желанїе, имѣть сея книги, предписанное число екземпляровъ, за которые и деньги отдали при подписанїи по чему и книги имъ даны будутъ, по означенному росписанїю: съ уступкою противу положенной цѣны.

Николаю Ивановичу Неплюеву -	10
Князь Александръ Ивановичу Мещерскому - - - - -	10
Князь Петру Васильевичу Хованскому - - - - - -	10
Петру Михайловичу Лунину - -	10
Григорью Григорьевичу Спиридову -	10
Барону Ивану Юрьевичу Фридрихсу	10
Петру Кириловичу Хлѣбникову -	10
Козмѣ Афанасьевичу Медведеву -	10
Александру Николаевичу Самойлову	6
Князь Григорью Патрикѣевичу Килдишеву - - - - - -	5
Василью Васильевичу Нарышкину -	5
Дмитрїю Александровичу Барсову -	5
Князь Алекдандру Александровичу Прозоровскому - - - -	4

Отцу

Отцу Архимандриту Іакинфу - 3
Александру Александровичу Саблукову - - - - - - 3
Александру Гавриловичу Окуневу - 3
Ивану Ивановичу Козлову - - 3
Андрею Ивановичу Струнникову - 3
Григорью Михайловичу Осипову - 3
Ивану Федоровичу Малинкову - 3
Николаю Андрѣевичу Щербинину - 3
Александру Андрѣевичу Волкову - 3
Ивану Петровичу Телепневу - - 3
Ивану Васильевичу Языкову - - 3
Авдотьѣ Васильевнѣ Ананьевской - 2
Андреяну Семеновичу Друцкому - 2
Александру Ивановичу Игнатьеву - 2
Ивану Петровичу Тургеневу - - 2
Моисею Яковлевичу Неручеву - 2
Василью Андрѣевичу Матвѣеву - 1
Василью Николаевичу Гурьеву - 1
Ивану Прохоровичу Пырскому - 1
Ивану Ивановичу Крычевскому - 1
Алексѣю Ильичу Гизелевскому - 1
Василью Яковлевичу Савицкому - 1
Князь Петру Александровичу Черкаскому - - - - - 1
Петру Львовичу Бухвостову - - 5
Николаю Андрѣевичу Молчанову - 1
Андрею Дмитріевичу Буслову - 1
Льву Васильевичу Лодыженскому - 3

А

А слѣдующіе подписались съ обѣщаніемъ отдать деньги по напечатаніи.

Григорій Александровичь Потемкинъ за 12
Князь Николай Никитичь Трубецкой - - - - - - - 11
Петръ Васильевичь Мятлевъ - 10
Князь Андрей Ивановичь Вяземской 9
Александръ Васильевичь Храповицкой 5
Анисимъ Титовичь Князевъ - - 5
Матвѣй Григорьевичь Спиридовъ - 5
Князь Александръ Никитичь Трубецкой - - - - - - 10
Акимъ Кандратьевичь Шулгинъ - 5
Отецъ Архимандритъ Тарасій - 3
Отецъ Архимандритъ Викторъ - 3
Иванъ Артемьевичь Артемьевъ - 3
Прасковья Андрѣевна Зыбина - 3
Александра Михайловна Зыбина - 3
Михайла Михайловичь Рахмановъ 3
Сергей Лаврентьевичь Львовъ - - 3
Князь Иванъ Васильевичь Несвицкой 3
Прасковья Воиновна Волкова - - 3
Василій Алексѣевичь Ивановъ - 3
Николай Симоновичь Лаптевъ - 3
Михайла Ивановичь Мордвиновъ - 2
Алексей Ивановичь Васильевъ - 2
Андрей Ивановичь Марковъ - - 2

Андреянъ

Андреянъ Ивановичь Васильевъ	-	1
Панкратъ Яковлевичь Полонской	-	1
Василїй Ивановичь Крамаренковъ	-	1
Иванъ Григорьевичь Туманской	-	1
Василїй Ивановичь Нелидовъ -	-	1
Яковъ Даниловичь Шумской -	-	1
Господинъ Булановъ - -	-	1
——— Терентьевъ - -	-	1
——— Урлаповъ - -	-	1
Алексѣй Петровичь Прончищевъ	-	3
Петръ Осиповичь Нечаевъ -	-	1
Николай Васильевичь Чернявской	-	3
Петръ Ларїоновичь Щепинъ -	-	2

ИЗВѢСТІЕ.

Между Невскою преспективою и Италіанскою, или Садовою улицею близъ Екатерининскаго канала, въ домѣ Петербургскаго купца г. Круженникова, у переплетчика Бѣлке продаются слѣдующія книги: 1774 года.

1. Виргиліевой Энеиды I. книга переводу Г. Санковскаго - - 25
2. Муретово Отроческое Наставленіе въ стихахъ Г. Рубана - 10
3. Канонъ Пасхи въ стихахъ - 8
4. Вторый Кандидъ или Другъ Истинны - - - - - 40
5. Начертаніе благоденственной жизни, состоящее (1) въ Размышленіи г. Шпалдинга объ

опре-

опредѣленіи человѣка (2) въ мысляхъ г. Дюмулина о спокойствіи духа и удовольствіи серд-сердца (3) въ 50 статьяхъ Нравоучительныхъ разсужденій - - - - - - 60

У него же будутъ продаваться и сіи, кои еще печатаются и къ печатанію пріуготовляются 1774 года.

1. Ненавистникъ Комедія въ стихахъ.
2. Исправленный Человѣконенавидѣцъ, Сказка Г. Мармонтеля.
3. Сны Аристовула, Греческаго Мудреца и жизнь Французскаго Философа Формоза.
4. Жизнь Христины, Королевы Шведской.
5. Духъ Христины или Нравоучительныя ея размышленія.

6.

6. Роспись Кїевскимъ Архїереямъ, съ краткимъ описанїемъ ихъ жизни.
7. Трагедїя Мщенїе, Г. Юнга.
8. Указатель дорогъ и почтовыхъ становъ въ Россїи и во всей Европѣ.
9. Путешествїе Лорда Балтимура изъ Царяграда чрезъ Молдавїю, Волохїю и Польшу, въ Англїю.
10. Легкомысловъ, Московская повѣсть.
11. Письма одного Россїанина къ нѣкоему Россїйскому Графу изъ Царяграда въ Петербургъ писанныя, о нынѣшнемъ состоянїи Турецкаго Двора и всего Константинополя.
12. Описанїе Санктпетербурга и окрестныхъ селенїй съ 1704 по 1750 годъ.
13. Приказный словарь, служащїй руководствомъ вступающимъ въ статскую службу.
14. Путешествїе нѣкоего Россїанина къ Святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азїи и Африкѣ находящимся.

15. Дневныя записки Св: Димитрїя, Митрополита Ростовскаго.

16. Переписка НовѢйшаго Россїйскаго Автора, съ знатнѢйшими нынѢшняго вѢка Россїйскими Героями.

17. Святаго Петра градъ, или Санктпетербургъ поема.

18. Виргилїевы Георгика, или книги о землелѢлїи.

19. Путешествїе въ Хиву Россїйскаго каравана.

20. Собранїе Патрїаршихъ грамотъ, писанныхъ къ Россїйскимъ Епископамъ, и другимъ начальникамъ церквей.

21. Краткой Малороссїйской лѢтописецъ.

22. Образецъ вѢрной и постоянной любви, или приключенїя прекрасной Турчанки Ксеминды, названной въ крещенїи Елисаветою II. части.

23. Жизнь Россїйскаго Картуша, именуемаго Каина.

24. Письмо о важности и преимуществѢ судей.

25. Волтеровой Ганріады пѢснь I. и II.
26. СмѢшеніе нравоученія и политики Г. Ваттеля и другихъ славныхъ писателей.
27. Собраніе Турецкихъ сказокъ.
28. Снотолковательный словарь.
29. Титъ, Трагедія, Г. Белуа.
30. Сочиненіе благодѢющаго Философа.
31. Наставленіе дѢтямъ въ стихахъ.
32. Путешествіе Россіанъ въ СѢверномъ АрхипелагѢ, или на Алеутскихъ островахъ.
33. Модная книга.
34. Письма отъ Милади Жульетъ Катесби, къ Милади ГанріеттѢ Камлеи.
35. Економическія примѢчанія о земляхъ, или новая Система хлѢбопашества.
36. Размышленіе Христины Королевы Шведской, о дѢлахъ и жизни Александра Великаго.
37. Путешествіе Россіанъ въ КитаѢ.
38. Пигмаліонъ драмма, Г. Руссо.

39.

39. Дневныя записки Россійскаго Генерала Поручика, Военныхъ Произшествій, съ 1767 по 1773 годъ.

40. О свадебныхъ обрядахъ въ украинѣ, простолюдинами наблюдаемыхъ.

У тогожъ переплетчика Бѣлке продаются и слѣдующіе двѣ нопонапечатанные книги;

1. Слово о трудахъ достойныхъ воздаянія. - - - - - 15.
2. О бодрости, съ которою долженъ быть препровождаемъ всякаго христіянина достохвальный подвигъ, - - - - - 15.

)o(

Гене-
роиз-
инЪ,
Ъ.

лро-
леча-

15.

15.

Сия 10 бит. Тарасий Воробьевский

Сия 10 бит. Отв. [illegible]